

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1983

3

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

3

1983

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР В. В. КИМ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*

Сдано в набор 5.03.83. Подписано к печати 22.03.83. Р07652. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,6. Уч. изд. л. 6,2. Тираж 1180. Заказ 63. Цена 65 к.

Адрес Издательства: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» УзССР, 1983 г.

Продовольственную программу — в жизнь!

К. А. КАБАНОВА

**РАЗВИТИЕ ОВОЩНОГО КОМПЛЕКСА В УЗБЕКИСТАНЕ
В СВЕТЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ СССР**

Успешное претворение в жизнь намеченных XXVI съездом КПСС мероприятий по дальнейшему повышению материального благосостояния советского народа и выполнение одобренной майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС Продовольственной программы СССР во многом зависят от устойчивого развития сельскохозяйственного производства, в том числе отраслей овощного комплекса, обеспечивающего удовлетворение потребностей населения в картофеле, овощной и бахчевой продукции.

В решение этих актуальных задач свой вклад призвана внести каждая республика Союза. Как подчеркнул в своем докладе «Шестьдесят лет СССР» Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, «вся страна работает сейчас над выполнением Продовольственной программы. В ней ясно определены конкретные задачи для всех союзных республик. И каждой из них предстоит основательно потрудиться, чтобы внести реальный вклад — причем уже в ближайшее время — в важнейшее дело бесперебойного снабжения советских людей продовольствием»¹.

Исключительно благоприятные климатические условия Узбекистана в сочетании с искусственным орошением и сравнительно высоким почвенным плодородием позволяют выращивать в республике богатый ассортимент продовольственных культур, в том числе овощных, бахчевых и картофеля.

Экономическими предпосылками развития овощного производства в республике являются наличие крупных городов и промышленных центров с высокой численностью городского населения, мощная консервная промышленность, рост орошаемых земель и хорошая обеспеченность трудовыми ресурсами, а также исторически сложившиеся навыки населения в выращивании продукции овоще-бахчевых культур и картофеля.

Как известно, Узбекистан выполняет в системе народного хозяйства Союза функцию основной хлопковой базы страны. Следовательно, продовольственные отрасли здесь развиваются в тесной связи с хлопководством. Следуя курсом аграрной политики, выработанной историческим мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС, республика вместе с увеличением производства хлопка достигла значительных результатов в развитии овощеводства (табл. 1).

Как видим, увеличение валовых сборов овощных и бахчевых культур осуществлялось не только путем расширения посевных площадей, но и за счет роста урожайности. По картофелю, однако, произошло необоснованное снижение посевных площадей.

¹ «Правда», 1982 г., 22 декабря.

Развитие овощного производства идет на основе его специализации и концентрации, при последовательном повышении роли совхозного сектора. Если до 1957 г. в республике было всего два овоще-молочных совхоза, то в настоящее время на производстве продукции овоще-бахчевых культур и картофеля, помимо ранее существовавших 41 колхоза, специализировано 56 совхозов. Кроме того, специализированы отделения в ряде совхозов МСХ УзССР, а также организованы специализированные бригады во многих хлопководческих хозяйствах. Все это способствует наращиванию темпов производства на интенсивной основе.

Только за последнее десятилетие объем вывоза из Узбекистана свежих овощей в порядке поставки в общественный фонд возрос в три раза и составил в 1981 г. 539 тыс. т (22% валового сбора), а бахчевых — соответственно почти в два раза, или 369 тыс. т (35% валового сбора). Более 400 тыс. т овощей перерабатывается на консервных заводах.

Таблица 1

Показатели	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1980 г. к 1965 г., раз
Овощи					
Площадь посевов, тыс. га	36,6	43,1	75,7	104,3	2,8
Урожайность, ц/га	129	143	178	221	1,7
Валовой сбор, тыс. т	482,9	781,4	1412,2	2459,1	5,1
Бахчевые					
Площадь посевов, тыс. га	41,9	43,3	55,7	52,1	1,2
Урожайность, ц/га	81	119	138	126	1,6
Валовой сбор, тыс. т	338,6	543,3	786,5	1046,3	3,1
Картофель					
Площадь посевов, тыс. га	25,6	21,2	25,3	23,3	—
Урожайность, ц/га	66	83	84	100	1,5
Валовой сбор, тыс. т	167,7	180,3	214,6	239,0	1,4

Но несмотря на достигнутые успехи, проблема полного обеспечения овоще-бахчевой продукцией и картофелем с учетом значительного прироста населения и растущих поставок в общесоюзный фонд решена еще не полностью. В ряде хозяйств урожайность недостаточна, структура овощей в ассортименте не отвечает научно обоснованным нормам питания, в производстве и потреблении овощей не изжита сезонность. Далеко не полностью удовлетворяется спрос на картофель. Допускаются большие потери продукции на пути ее следования от поля до потребления.

Для полного удовлетворения потребностей населения республики, поставки 20—30% овощей и бахчевых и части раннего картофеля в общесоюзные фонды, а также для обеспечения перерабатывающей промышленности Узбекской ССР овощным сырьем потребуется произвести овощей 4 млн. т, бахчевых — 2, картофеля — 1,5 млн. т, т. е. увеличить производство против 1980 г.: овощей — в 1,5 раза, бахчевых — в 2, картофеля — в 6 раз. Чтобы успешно решить эту задачу, надо добиться получения с каждого гектара овощей 350—400 ц, бахчевых и картофеля — 200 ц. Решающая роль в увеличении продукции принадлежит специализированным колхозам и совхозам, число которых должно быть пополнено.

Обеспечение высоких темпов овощного производства должно осуществляться на основе последовательной его интенсификации, высоко-

эффективного использования земли, всемерного укрепления материально-технической базы, ускоренного внедрения достижений науки и передового опыта, а также передовых форм организации производства на основе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

Интенсификация овощного производства предполагает завершение внедрения принятых севооборотов как организующего начала системы агротехнических мероприятий по повышению плодородия почв, обеспечению правильного режима питания растений, системы рациональных обработок почвы, борьбы с сорняками, болезнями и вредителями и эффективного использования оросительной воды. Внедрение севооборотов неразрывно связано с осуществлением внутрихозяйственной концентрации производства. Размельченность посевных площадей в ряде специализированных хозяйств препятствует эффективному использованию средств механизации, а порой делает применение механизмов невозможным, что резко снижает эффективность овощного производства. Оптимизация внутрихозяйственной организационной структуры должна осуществляться как путем укрупнения поливных участков производственных бригад, так и размещения ограниченного числа культур в бригаде.

Важнейшее направление научно-технического прогресса в овощеводстве — переход на посевы районированными сортами в соответствии с их биологическими особенностями. В Узбекистане районировано более 50 сортов овощных и бахчевых культур. Требуют ускоренного внедрения в производство скороспелые и среднеспелые сорта, пригодные как для ранней, так и летней посадки (томаты Талалихин—186, Юсуповский—40, Темнокрасный—2077, Волгоградский—5/95, Восток—36, Октябрь; перец сладкий Болгарский—79, Дар Ташкента; баклажаны Аврора; капуста Номер первый, Грибовская—147, Июньская, Ташкентская—10, Узбекистанская—133, Судья Узбекская; огурцы Ранний—645, Ташкентский—186, Узбекский—740, Маргиланский—822; лук Каба—132, Каратальский; Морковь Мшак—195, Мирзои желтая—304, Нантская—4; редис Сакса, Эртапишор, Майский местный; картофель Седов, Скороспелка—1, Фаленский, Омский ранний, Прикульский ранний, Изобилие и др.

Без создания сортов, пригодных для механизации производственных процессов по их возделыванию, невозможна комплексная механизация овощного производства. Поэтому дальнейшая селекционная работа ученых-овощеводов направлена на доработку сортов, пригодных для механизированного возделывания и уборки (томаты Штамбовый—396, огурцы Ранний—645 и гибрид—7 и др.). Продолжаются работы над выведением новых сортов, обладающих комплексом хозяйственно полезных качеств, необходимых в условиях индустриального производства. Для обеспечения равномерного поступления продукции большое значение имеет выведение сортов и гибридов овоще-бахчевых культур и картофеля различных по скороспелости, холодостойких и жароустойчивых, экологически пластичных, устойчивых к болезням и вредителям, с хорошей лежкостью и транспортабельностью, а также выведение сортов и гибридов для закрытого грунта.

В интенсификации овощеводства важная роль принадлежит внедрению промышленной технологии возделывания овоще-бахчевых культур и картофеля. Овощеводство остается еще слабомеханизированной отраслью. Применяемая здесь система машин позволяет при достаточных размерах земельных участков механизировать предпосевную обработку почвы, нарезку поливных борозд, посев, внесение удобрений, культивацию междурядий, борьбу с болезнями и вредителями. Но такие работы, как очистка внутрихозяйственной оросительной сети, планировка карт, поливы, прореживание всходов, высадка основной час-

ти рассады, а также уборка урожая большинства культур почти не механизированы и требуют высоких затрат труда.

В стране создан комплекс машин для овощного производства. Однако многие из них для применения в условиях Узбекистана требуют модернизации и дальнейшего совершенствования.

Особенно остро стоит вопрос о механизации уборочных работ из-за отсутствия специализированной техники. Механизация уборочных работ должна стать основным звеном в производстве продукции овоще-бахчевых культур и картофеля на промышленной основе, поскольку на долю уборочных работ приходится до 60—70% общих затрат на производство овощей.

Проблема создания машин для овощного производства требует комплексного подхода и должна решаться не только конструкторами, механизаторами, но и селекционерами, специалистами сельского хозяйства, ибо для механизации требуется создание пригодных для машинной уборки сортов, а также разработка соответствующего агрокомплекса, обеспечивающего выращивание овоще-бахчевых культур и картофеля при минимальных затратах и наиболее рациональных унифицированных схемах посева и посадки.

Механизация производственных процессов в овощеводстве будет не только оказывать прямое влияние на снижение трудовых затрат, но и обеспечивать оптимальные сроки и качественное проведение работ по предпосевной подготовке почвы, посеву, уходу за растениями и уборке урожая. Все это явится мощным средством повышения урожайности. Будучи главным резервом увеличения производства продукции овоще-бахчевых культур и картофеля, повышение урожайности оказывает влияние на рост производительности труда и рентабельность производства.

Следует учесть, что механизация уборочных работ в овощеводстве сопряжена с большими затратами на машины, так как каждая овощная культура требует специализированных только для нее машин. Следовательно, экономическому применению машин должна способствовать высокая культура земледелия в овощеводстве, обеспечивающая получение высоких урожаев.

Важное условие перехода овощного производства к комплексной механизации и автоматизации — электрификация. Без этого невозможно развитие овощеводства защищенного грунта на индустриальной основе в крупных тепличных комбинатах. Электричество в защищенном грунте необходимо для электродосвечивания в целях стимулирования роста и развития овощных растений, для автоматизированного регулирования температуры и влажности воздуха и почвы в культивационных помещениях, содержания в них углекислоты и т. д., а также функционирования специализированных хранилищ и других объектов.

Получение высоких урожаев и качество продукции овоще-бахчевых культур и картофеля в решающей степени зависят от удобрений. Однако, как показывает накопленный опыт, прибавка урожая зависит не только от количества внесенных удобрений, но и от способов, сроков внесения и сочетания в них питательных элементов. В связи с повышением доз внесения минеральных удобрений весьма важно дальнейшее совершенствование схем их рационального применения в оптимальных соотношениях с органическими, дробное внесение минеральных удобрений в ранние сроки вегетации, чтобы избежать избыточного внесения их в период созревания плодов, которое делает их непригодными к употреблению. Это особенно относится к бахчевым культурам. Крупным резервом увеличения органических удобрений в овощеводстве республики является перевод парников с биологического обогрева навозом на водяной и электрический.

Большое внимание в овощеводстве следует обращать на защиту растений от сельскохозяйственных вредителей, болезней и сорняков. Особенно необходимо по возможности сократить применение химических средств борьбы. В связи с этим важная роль принадлежит разработке и внедрению эффективных комплексных систем защиты, безопасных для человека, животных и окружающей среды, с применением для этих целей биологических, агротехнических, химических и других методов, с помощью бактериофагов, насекомых-хищников и т. д. Оправдал себя метод провокационных поливов с последующим уничтожением всходов сорняков. Особое значение имеет разработка мер борьбы с фузариозным увяданием бахчевых, которое становится серьезным препятствием на пути дальнейшего развития бахчеводства в Узбекистане.

Работами Узбекского научно-исследовательского института овоще-бахчевых культур и картофеля установлено иммунизирующее и терапевтическое воздействие внекорневых подкормок растений дынь в борьбе с заболеванием увяданием.

Совершенствование возделывания овощных культур — одно из основных направлений научно-технического прогресса в данной отрасли. Намечаемые темпы роста валового производства овоще-бахчевых культур и картофеля будут достигнуты прежде всего при значительном повышении урожайности. Наукой и передовой практикой в Узбекистане накоплен ценный опыт получения высоких урожаев каждой овощной культуры, бахчевых и картофеля. Он должен внедряться ускоренными темпами во все овоще-хозяйства. Особое внимание надо обратить на соблюдение комплекса агротехнических мероприятий по возделыванию картофеля, нарушение которого приводило к низким урожаям и создавало мнение, якобы в условиях Узбекистана нельзя получать высокие урожаи этой культуры. Наука и передовая практика доказали ошибочность такого суждения. В республике имеется немало картофелеводческих хозяйств, получающих высокие стабильные урожаи картофеля, что при максимальной механизации его возделывания обеспечивает рентабельность производства.

К таким хозяйствам относятся колхозы им. XX партсъезда, им. К. Маркса Ташкентской области, совхозы «Багизаган» Самаркандской области, «Хасково» Ташкентской области, «Сох» Ферганской области и др.

Совхоз «Сох» на протяжении многих лет получает с площади 1200—1250 га по 160—170 ц/га картофеля. Таких результатов он добивается благодаря соблюдению научно обоснованной прогрессивной технологии возделывания этой культуры. Особое внимание уделяется качеству семенного материала и его подготовке к посадке, сортировке, калибровке, предпосадочной дезинфекции клубней, предварительному их проращиванию, предупреждению механических повреждений и т. д. Благоприятные условия для роста растений создаются еще до появления всходов. Подкормки и уход за посевами проводятся в ранней стадии: удобрения вносятся до или одновременно с посадкой. Рыхлость почвы обеспечивается довсходовым или повсходовым боронованием с последующим окучиванием и одновременной нарезкой поливных борозд для следующего полива. Все дальнейшие операции по уходу за посевами проводятся также в соответствии с технологическими картами. Такая технология применяется уже во многих специализированных хозяйствах республики и дает хорошие результаты.

Теперь, когда поставлена задача — обеспечить удовлетворение потребностей республики в картофеле в основном за счет собственного производства уже к концу текущей пятилетки, на внедрение научно обоснованной системы в картофелеводстве должно быть обращено самое серьезное внимание. В результате принятых мер за последние

два года посевная площадь картофеля в республике возросла в 1,4 раза и достигла в 1982 г. 33 тыс. га. В эти годы создано 10 специализированных картофелеводческих совхозов, специализировано 5 отделений в других совхозах, а также созданы специализированные картофелеводческие звенья и бригады во многих хлопководческих хозяйствах, т. е. созданы условия для рационального использования земель на основе специализации и концентрации. Однако достигнутые результаты еще не отвечают требованиям майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС и задачам реализации Продовольственной программы. Не выполняются задания по заготовкам сортового семенного картофеля, строительству картофелехранилищ. В посадках картофеля преобладают еще нерайонированные сорта, завезенные из других республик. Необходимо создание собственной семеноводческой базы как неотъемлемое условие эффективного развития картофелеводства в республике.

Продовольственная программа предусматривает ликвидацию сезонности в производстве и потреблении овощей. Эта задача должна решаться путем дальнейшего расширения строительства в зонах городов и промышленных центров республики тепличных комбинатов, улучшения и расширения зимнего хранения овоще-бахчевой продукции и картофеля, расширения пленочной культуры овощей и введения дифференцированных сроков сева с внедрением широкого ассортимента овощных культур с различными сроками созревания и длиной вегетационного периода, с широким использованием преимуществ южных районов республики в получении ранних урожаев.

В ряде специализированных хозяйств Ташкентской пригородной зоны накоплен положительный опыт применения полиэтиленовых светопрозрачных пленок для укрытия посевов от ранневесенних заморозков с целью получения ранней продукции из открытого грунта. Этот прием позволяет не только получать овощи на 3—4 недели раньше обычных сроков, но и повысить урожайность с единицы площади в 1,5—2 раза, а высокие цены реализации на раннюю продукцию обеспечивают уровень рентабельности выращивания овощей под пленочным укрытием в несколько раз выше, чем на участках без укрытия.

Правильная организация зимнего хранения имеет большое значение не только в ликвидации сезонности потребления, но и в предотвращении потерь выращенного урожая. В последнее время стало осуществляться строительство специализированных хранилищ с активной вентиляцией, автоматическим управлением и искусственным охлаждением. Большое значение имеет решение вопроса о месте нахождения этих хранилищ. Ныне овощи и картофель хранятся на городских базах торговых организаций. При этом в период осеннего напряжения со сдачей продукции хозяйствами государству допускаются крупные потери и снижение кондиций продукции, закладываемой на зимнее хранение. Массовый одновременный завоз продукции в города приводит к перегрузке хранилищ, и зачастую овощи и картофель закладываются на хранение в малоприспособленные для этого помещения, в недостаточном отсортированном виде, что ведет к большим потерям продукции при хранении, нерациональному использованию отходов и отвлечению большого числа трудящихся городов от их основной производственной деятельности на переборку овощей и картофеля. Этого можно избежать, если определенную часть продукции закладывать на зимнее хранение в местах ее производства. При этом отходы продукции при хранении будут рационально использоваться на корм скоту, а рабочая сила в овощесееющих хозяйствах будет эффективнее использоваться в малонапряженный зимний период. Целесообразность хранения продукции овоще-бахчевых культур и картофеля в колхозах и совхозах вытекает из развития их прямых связей с торгующими организациями по сбыту продукции.

Проблема сокращения потерь продукции овощного производства на пути ее следования от поля до потребителя является особенно острой: это — продукция скоропортящаяся, а объемы ее производства и потребления в дальнейшем будут расти быстрыми темпами.

Вопросы борьбы с потерями урожая сложны и многогранны, но основные пути их решения должны сводиться к усовершенствованию процессов уборки, хранения и доведения до потребителя. Большое значение будет иметь развитие прямых связей между производителями и потребителями продукции. Экономическая эффективность таких связей обуславливается тем, что продукция будет производиться по заказу определенного потребителя и не может остаться нереализованной. Это будет также способствовать активному воздействию потребителей на поставщиков в деле улучшения качества производимой продукции. Такая форма реализации обеспечивает кратчайший путь доставки продукции до потребителя без лишних перевалок, позволит снизить ее потери и сохранить качество.

Важное условие улучшения связей между производителями и потребителями продукции — дальнейшее углубление специализации и концентрации производства с учетом назначения выращиваемой продукции. В связи с этим возникает необходимость создания овощеводческих зон производственной специализации с соответствующей отраслевой структурой. Если в пригородных зонах она определяется задачами удовлетворения потребностей населения, исходя из рациональных норм питания, то в зонах перерабатывающей промышленности она должна быть увязана с потребностями консервных заводов, в зонах товарного овощеводства и бахчеводства на вывоз — с соответствующими заданиями по вывозу продукции в определенном ассортименте.

В настоящее время четкого разграничения овощных зон производственной специализации в республике нет. Функции сырьевых баз и товарных на вывоз в основном выполняют пригородные хозяйства, а также хозяйства неовощеводческой специализации. В результате продукция в одном и том же хозяйстве заготавливается многими заготовителями. Это осложняет снабжение населения городов свежими овощами, создает трудности в обеспечении сырьем перерабатывающей промышленности. Отсутствие зон производственной специализации сказывается и на снижении эффективности овощного производства в колхозах и совхозах, поскольку не нацеливает их на выращивание определенных сортов овощных культур, требующих дифференцированной системы возделывания, не обеспечивает гарантированного сбыта продукции. Зачастую в городскую торговую сеть попадают консервные сорта овощей, не пользующихся большим спросом населения для потребления в свежем виде, и, наоборот, на промышленную переработку поступает ассортимент неконсервного назначения. Создание зон производственной специализации будет способствовать переходу к новым формам организации производства на основе аграрно-промышленной интеграции и межхозяйственной кооперации.

Эффективным методом сокращения потерь выращенной продукции служит организация в колхозах и совхозах переработки мало-транспортабельного, скоропортящегося сырья, не нашедшего сбыта в свежем виде. Накопленный в республике за последнее время опыт формирования и развития агропромышленных комплексов показывает, что наиболее эффективная их форма в сложившихся условиях — аграрно-промышленное предприятие типа совхоза-завода. В качестве примера можно привести АПО им. Кирова в Андижанской области, созданное в 1971 г. на базе садово-виноградарского совхоза и собственного консервного завода. Единство и непрерывность технологического процесса — от выращивания сырья до получения готового продукта — позволяет эффективнее использовать выращенную продук-

цию, повышать качество консервов и снижать их себестоимость. Отходы полностью утилизируются на корм скоту. Завод перерабатывает продукцию и близлежащих хозяйств.

Значительным резервом увеличения производства овоще-бахчевых и картофеля является выращивание их на приусадебных участках колхозников, рабочих и служащих совхозов. Руководствуясь указаниями партии и правительства, следует создавать для этого благоприятные условия на местах. Организации Министерства плодоовощного хозяйства и Узбекбрюляшу должны способствовать рациональному ведению овощеводства в этой категории хозяйств; обеспечивать их сортовыми семенами, рассадой, необходимыми механизмами, инвентарем, удобрениями, средствами защиты растений от болезней и сельскохозяйственных вредителей, а также гарантировать организованный прием и вывоз выращенной продукции или ее переработку и т. д.

Материально-техническая база должна обеспечивать овощеводческие хозяйства средствами механизации погрузочно-разгрузочных работ, бесперебойным снабжением тарой для перевозки продукции, совершенствовать средства транспортировки и т. д. Большое значение будет иметь наличие хороших дорог, учитывая растущий объем грузо-перевозок и скоропортящийся характер продукции.

Поскольку овощеводство является сложной специфической отраслью сельскохозяйственного производства, для его эффективного развития необходима также регулярная подготовка специализированных кадров — овощеводов всех звеньев.

Только так, на основе комплексного подхода, может быть реализована установка партии на «наиболее разумное использование природных и трудовых ресурсов, климатических особенностей каждой республики, наиболее рациональное включение этого потенциала в общесоюзный»² в интересах успешного осуществления Продовольственной программы, общего подъема экономики страны и дальнейшего роста благосостояния советских людей.

² «Правда», 1982 г., 22 декабря.

Н. А. ХАН

О ЗАКОНЕ И ФОРМЕ ДВИЖЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ*

Как известно, общественное производство представляет собой единство производительных сил и производственных отношений. Диалектическое противоречие между производительными силами и производственными отношениями во всех формациях разрешается законом соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. Этот закон является общим социологическим законом движения всех общественно-экономических формаций. Действие его приводит к социальной революции, к смене одной формации другой.

Каждый экономический закон имеет свой источник самодвижения. Но не всякий закон становится особым законом движения данного общественного строя. Таковым может стать лишь тот специфический закон, который, заключая в себе основное экономическое противоречие данного общества, определяет главное направление движения всех других объективных законов этого общества.

К. Маркс в предисловии к первому изданию I тома «Капитала» писал: «... Конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества...»¹

Какой же закон имел в виду К. Маркс? Четкий ответ на этот вопрос дал Ф. Энгельс: «Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках»².

Таким образом, особым экономическим законом движения буржуазного общества классики марксизма-ленинизма считали прибавочную стоимость — основной экономический закон капитализма. Им определяются не только процесс развития производства и общества в целом, но и исторические рамки капиталистической формации. В. И. Ленин указывал по этому поводу: «...Неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества»³.

Основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Это антагонистическое противоречие заключено в основном экономическом законе капитализма и потому он является законом движения буржуазного общества.

* В порядке обсуждения.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 351.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 73.

«Движение,— указывал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге»,— само есть противоречие... А постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия и есть именно движение»⁴.

Движение и развитие социалистического производства имеет своим источником диалектическое неантагонистическое противоречие между растущими общественными потребностями и достигнутым в каждый данный период уровнем развития общественного производства.

Постоянное возникновение и разрешение этого основного противоречия, заключенного в основном экономическом законе коммунистической формации, обеспечивает поступательное движение социалистического общества к коммунизму. Другими словами, особым экономическим законом движения коммунистической формации является основной экономический закон данной формации — обеспечение полного благосостояния и свободного, всестороннего развития всех членов общества путем непрерывного роста и совершенствования общественного производства. Без учета действия этого закона невозможно правильно понять процесс перерастания первой фазы коммунизма в его высшую фазу.

Основной экономической закон социализма, заключая в себе движущие мотивы производства, выражает его цель и средства ее достижения, определяет главное направление движения. Это находит отражение в экономической стратегии партии.

В восьмидесятые годы Коммунистическая партия, как подчеркнуто в решениях XXVI съезда КПСС, будет последовательно продолжать осуществление своей экономической стратегии, высшая цель которой — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности советских людей.

Ответственным этапом в осуществлении этих долговременных целей является XI пятилетка, главная задача которой состоит в обеспечении дальнейшего роста благосостояния советских людей на основе устойчивого, поступательного развития народного хозяйства, перевода экономики на интенсивный путь развития, более рационального использования производственного потенциала страны, ускорения научно-технического прогресса, всемерной экономии всех видов ресурсов и улучшения качества работы.

На нынешнем этапе темп роста потребления у нас обгоняет темп роста накопления. Так, в 1976—1980 гг. по сравнению с 1966—1970 гг. потребление в целом по стране увеличилось на 70%, накопление и прочие расходы — на 56%. Доля фонда потребления в национальном доходе возрастает с 70,3% в 1961—1965 гг. до 75,3% в 1980 г. и до 78% к 1985 г.; размеры выплат и льгот из общественных фондов потребления на душу населения увеличиваются со 182 руб. в 1965 г. до 438 руб. в 1980 г. и 500 руб. в 1985 г.

Однако количественную определенность основного экономического закона социализма нельзя характеризовать лишь стоимостными показателями, ибо «повышение уровня жизни трудящихся не сводится к росту денежных доходов... Сейчас на первый план выдвигается задача улучшить снабжение населения продовольствием, а также промышленными товарами широкого потребления»⁵. Это с новой силой подчеркнул ноябрьский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС.

В настоящее время вклады населения в сберегательные кассы страны превышают 174 млрд. руб. Среднегодовой размер вклада в ми-

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 123.

⁵ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 45.

нувшей пятилетке достиг 13 млрд. руб. Платежеспособный спрос населения стал чрезмерно опережать предложение.

Для устранения этой диспропорции и более полного удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей народа планом XI пятилетки предусмотрен более быстрый темп роста производства предметов потребления (26,2%) по сравнению с темпом роста производства средств производства (25,5%), а также более быстрый рост розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли (23%) по сравнению с ростом зарплаты рабочих и служащих (14,5%) и оплаты труда колхозников (20%).

Количественная определенность основного экономического закона по существу должна выражаться уровнем удовлетворения личных и производственных потребностей, определяемого путем отнесения объема реального потребления какого-либо продукта к научной норме его потребления. Применения стоимостных и иных глобальных показателей уровня жизни народа явно недостаточно.

Возьмем, например, такую жизненно важную потребность человека, как потребность в пище. По количеству потребляемых продуктов питания в калориях на душу населения СССР достиг уровня таких стран, как США, Канада, Новая Зеландия (3440 кал. в день на человека). Однако этой глобальной формы выражения уровня потребления пищи недостаточно. В. И. Ленин, запрашивая в 1919 г. ЦСУ о состоянии питания различных слоев населения, подчеркивал: «Нормой считать, сколько надо человеку, по науке, хлеба, мяса, молока, яиц и т. под., т. е. норма не число калорий, а количество и качество пищи»⁶.

В 1980 г. отношение фактического объема потребления основных продуктов питания к научной норме питания на одного человека равнялось в среднем по стране: по мясу и мясопродуктам — 74%, молоку и молочным продуктам — 77,5, рыбе и рыбопродуктам — 97, картофелю — 102, овощам и бахчевым — 75, фруктам и ягодам — 42, по хлебным продуктам — 121%.

Как видно, в структуре питания населения не хватает продуктов животноводства, овощей и бахчевых, фруктов и ягод.

Продовольственная проблема, как подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, является центральной проблемой всей пятилетки.

Как известно, майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС одобрил Продовольственную программу страны на период до 1990 г. Ее реализация вплотную приблизит качественную структуру питания советских людей к научным нормам (см. табл. 1).

XXVI съезд КПСС уделил особое внимание вопросам укрепления материальных и духовных основ социалистического образа жизни, формирования нового человека, всестороннего развития личности.

В решениях съезда намечены меры, направленные на превращение труда в первую жизненную потребность каждого человека, сближение уровней и улучшение условий жизни всех групп трудящихся.

В XI пятилетке почти на одну треть увеличатся общественные фонды потребления, которые направляются на охрану здоровья трудящихся, развитие физической культуры и спорта, на образование, воспитание детей, социальное обеспечение, развитие литературы и искусства, творческой самодеятельности масс. Важнейшее место в социальной программе занимает жилищное строительство, обеспечение каждой семьи отдельной благоустроенной квартирой.

Огромное значение в ликвидации социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней, превращении сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального имеют

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 342.

мероприятия майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС по совершенствованию экономического механизма и укреплению экономики колхозов и совхозов; по дальнейшему улучшению жилищных, коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни сельского населения.

Практическая реализация этих задач во многом зависит от разработки актуальных теоретических проблем, в том числе вопросов политической экономии общества зрелого социализма. В этой связи надо сказать, что теория особого экономического закона движения социалистического общества обстоятельно разработана рядом советских экономистов. Однако вопрос о форме движения социалистической экономики исследован недостаточно.

Таблица 1*

Продукты питания	Потребление на душу населения СССР, кг в год			
	1965 г.	1980 г.	1990 г. (план)	научно обоснованная норма
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	41	58	70	78
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	251	314	330—340	405
Яйца (шт.)	124	239	260—266	292
Рыба и рыбопродукты	12,6	17,6	19,0	18,2
Сахар	34,2	44,4	45,5	40,0
Растительное масло	7,1	8,8	13,2	9,1
Овощи и бахчевые	72	97	126—135	130
Фрукты и ягоды	28	38	66—70	91
Картофель	142	112	110	110
Хлебные продукты	156	139	135	115

* Составлена по данным доклада Л. И. Брежнева „О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации“ („Правда“, 1982 г., 25 мая) и книги И. Я. Карлюка „Агротромышленный комплекс“ (М., 1981, с. 5).

По мнению авторов учебного пособия по политэкономии, вышедшего под редакцией Г. А. Козлова, всеобщей формой движения и развития социалистического способа производства является планомерность⁷.

Однако эта правильная, с нашей точки зрения, мысль не получила должного развития, ибо она не была обоснована в философском плане.

В новом учебнике по политэкономии планомерность рассматривается лишь как всеобщая форма экономической связи производителей в социалистическом народном хозяйстве⁸.

Обычно планомерность обуславливают общественной собственностью на средства производства, непосредственно-общественным трудом. Однако такая постановка вопроса не говорит — почему сама социалистическая собственность и непосредственно-общественный труд носят планомерную форму движения и развития.

На наш взгляд, социалистическая собственность на средства производства и непосредственно-общественный труд являются необходимым условием планомерности, а не непосредственной ее причиной.

Многие экономисты объясняют необходимость планомерно-пропорционального развития разделением труда, специализацией и концентрацией производства. Это верно в смысле необходимости достиже-

⁷ Политическая экономия. Т. 3. М., 1970, с. 201.

⁸ Политическая экономия. Т. 2. М., 1980, с. 102.

ния соразмерности в распределении экономических ресурсов — рабочей силы, средств производства внутри предприятия, между предприятиями (объединениями) и отраслями народного хозяйства, между районами в соответствии с потребностями процесса воспроизводства. Однако такое объяснение не даёт ответа на вопрос: почему и как достигаются пропорции в отношениях между необходимым и прибавочным трудом, необходимым и прибавочным продуктом, между фондами потребления и накопления?

По нашему мнению, необходимость планомерного развития обусловлена не только разделением труда, но и неантагонистическими противоречиями самого труда и его продукта в условиях безраздельного господства социалистической собственности на средства производства. Каждая экономическая категория социализма и народнохозяйственный организм в целом объективно нуждаются в пропорциональном развитии и носят планомерную форму. Планомерность — сознательно поддерживаемая пропорциональность — устраняет возникающие хозяйственные диспропорции, т. е. разрешает внутренние противоречия каждой экономической категории (и закона) в отдельности и народнохозяйственного организма в целом. Вот почему планомерность как универсальное средство разрешения экономических противоречий является всеобщей формой движения и развития социалистической экономики, а планирование — центральным звеном, сердцевинной управленческой функцией народным хозяйством.

Во взаимодействии пропорциональности и планомерности существуют определенные противоречия, ибо планомерность не может полностью охватить пропорциональность, которая непрерывно изменяется под воздействием роста производительных сил общества. Сама пропорциональность также противоречива, ибо она в одно и то же время заключает и не заключает оптимальную пропорцию, подобно тому, как движущееся тело одновременно находится и не находится в данной точке. Эти внутренние противоречия — источник движения самого закона планомерного, пропорционального развития.

Раскрытие противоречий в экономике, выявление оптимальных пропорций в народном хозяйстве во многом зависят от развития экономической кибернетики, материальную основу которой составляют электронно-вычислительные машины. Чем выше научная обоснованность и сбалансированность планов, уровень соблюдения плановой и договорной дисциплины, тем выше эффективность социалистического общественного производства.

«...Настало время, — говорилось в Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС, — ужесточить требования как к плановой дисциплине, так и к качеству самих планов. План, безусловно, должен быть реальным, сбалансированным. Но столь же безусловно он должен выполняться»⁹. Это требование особо подчеркивалось и на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС.

При социализме планомерная форма движения и развития экономики сочетается с товарно-денежной формой.

Известно, что товар — категория историческая. Поэтому его происхождение и развитие следует рассматривать в историческом аспекте, т. е. в том плане, в котором рассматривал категорию «товар» К. Маркс. Однако В. Г. Лопаткин, например, не согласен с мнением А. Я. Кошелева о том, что «сознательное регулирование социалистического общественного производства, основанного на общенародной и групповой форме собственности, необходимо предполагает исторически унаследованной товарно-стоимостной формы или товарно-денежных отношений, которые складывались тысячелетиями»¹⁰.

⁹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 50.

¹⁰ См. сб.: Закон стоимости и его роль при социализме. М., 1959, с. 92.

По мнению В. Г. Лопаткина, при такой постановке вопроса придется считать товарное отношение неким пережитком капитализма¹¹. Однако такой довод неубедителен. Во-первых, А. Кошелев говорил о наследовании не содержания, а формы товарно-денежных отношений. Во-вторых, использование положительного и необходимого, накопленного многовековой историей человеческого общества, есть преемственность в развитии, а не пережиток прошлого.

При капитализме товарные отношения имеют всеобщий характер, а при социализме они не имеют универсального характера, ибо рабочая сила, земля, фабрики, заводы не являются товарами в условиях социалистической собственности на средства производства.

Капиталистический товар — продукт эксплуатации капиталом наемного труда, а социалистический — продукт свободного от эксплуатации труда на себя и свое общество.

При капитализме стихийная товарно-стоимостная форма служит задачам достижения максимальной прибыли, а при социализме товарно-стоимостная форма выступает в качестве средства планомерного регулирования экономических связей и отношений для повышения эффективности производства и качества работы в интересах всего народа.

По мнению В. Н. Бадера, «явления отличаются друг от друга именно своим различным содержанием. Поэтому утверждение о том, что с переходом к социализму «товар» приобретает новое содержание, равноценно утверждению, что он перестает быть товаром и становится иной категорией»¹². Однако новое содержание не всегда приобретает новую форму и потому форма проявления может не совпадать с сущностью вещи. «...Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, — указывал К. Маркс, — то всякая наука была бы излишняя...»¹³ Форма устойчивее содержания. Поэтому социалистическое общество сохраняет «старую» товарно-денежную форму, имеющую новое, социалистическое содержание.

Общность товарно-денежной формы различных способов производства мы объясняем действием диалектического закона отрицания отрицания.

Как известно, этот закон философии выражает преемственность в развитии, связь нового со старым в процессе закономерной смены одних качественных изменений другими, повторяемость на высшей стадии развития некоторых свойств низшей стадии. Само отрицание есть условие, момент развития с удержанием всего положительного и необходимого, что было в старом, для дальнейшего поступательного развития. Без этого не было бы преемственности и непрерывности развития.

Так, простое товарное производство является отрицанием натурального патриархального хозяйства, капиталистическое товарное производство — отрицанием простого, социалистическое товарное производство — отрицанием капиталистического, а продуктообмен на высшей фазе коммунизма — отрицанием социалистического товарного производства.

При коммунизме не будет денег, денежных знаков. Однако это не исключает возможности применения лишь в целях учета и контроля, установления оптимальных пропорций и выявления эффективности общественного производства таких понятий, как «цена», «себестоимость», «прибыль» и т. п. В сущности эти формы не будут денежными

¹¹ Лопаткин В. Г. Товарные отношения и закон стоимости при социализме. М., 1966, с. 6.

¹² См. сб.: Хозрасчет и планомерность в развитом социалистическом обществе. Ярославль, 1975, с. 49.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 384.

или стоимостными, ибо при коммунизме ни товара, ни денег не будет. Говоря о возможности применения условной «денежной» единицы как меры общественно необходимого труда, Ф. Энгельс отмечал: «...В обмене между коммунной и ее членами эти деньги отнюдь не являются деньгами, они отнюдь не функционируют в качестве денег»¹⁴.

При бухгалтерском учете, писал К. Маркс, «товары фигурируют лишь как носители стоимости, как название вещей, идеальное существование которых как стоимостей фиксируется в счетных деньгах, — получает символическое изображение в представлении... Бухгалтерский учет как средство контроля и мысленного обобщения этого процесса становится тем необходимее, чем более процесс производства совершается в общественном масштабе...»¹⁵

Эти высказывания основоположников научного коммунизма подтверждают наши предположения об учете издержек и продуктов в условных «денежных» единицах. Правильность такой постановки вопроса подтверждается и практикой коммунистического строительства.

Например, земля как продукт природы не имеет стоимости и не является у нас товаром. Однако она имеет экономическую оценку в денежном выражении. Рабочая сила при социализме не является товаром и не имеет стоимости, но затраты труда измеряются в рублях. Нетоварная часть продуктов не продается, но они оцениваются в оптовых или закупочных ценах.

К. Маркс подчеркивал, что время труда всегда остается (даже когда меновая стоимость исчезла) «созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, требующихся для его производства»¹⁶.

В основе измерения издержек производства как при социализме, так и при коммунизме лежит общественно необходимый труд, измеряемый, в свою очередь, общественно необходимым временем; опыт измерения и учета издержек производства социалистического общества непременно будет использован коммунистическим обществом.

Категории товарно-денежных отношений являются важнейшими элементами хозяйственного механизма развитого социализма. Поэтому роль и значение совершенствования их в повышении эффективности производства и качества работы возрастают. Товарно-денежные отношения отомрут лишь тогда, когда образуется единая коммунистическая собственность на средства производства и вместо закона распределения по труду в полную меру будет действовать закон распределения по потребностям.

Н. А. Хан

СОЦИАЛИСТИК ЭКОНОМИКА ҲАРАКАТИНИНГ ШАҚЛ ВА ҚОНУНИ ТЎҒРИСИДА

Ушбу мақолада кўриладиган масалада муаллиф социалистик иқтисод ҳаракатининг шакл ва қонуни тўғрисида ўз фикрини баён қилади ва асослаб беради.

М. А. АХМЕДОВА

ОБ УСЛОВИЯХ ТВОРЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА ПЕРЕХОДА НАРОДОВ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА К СОЦИАЛИЗМУ, МИНУЯ КАПИТАЛИЗМ

Построенный в нашей стране героическими усилиями партии и народа реальный социализм оказывает свое воздействие на револю-

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 314.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 152, 153.

¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 265.

ционные процессы в освободившихся странах не только в форме непосредственной материальной, технической, при необходимости военной и иной помощи, но и своим примером и опытом. «Молодые государства, и в первую очередь те из них, которые выбрали социалистическую ориентацию,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР»,— с живым интересом относятся к советскому опыту национально-государственного строительства, перехода народов СССР к социализму, минуя капиталистическую стадию развития»¹. Это с новой силой было подчеркнуто на состоявшейся в Ташкенте 16—17 февраля 1983 г. Всесоюзной научно-теоретической конференции «Братское сотрудничество народов СССР на этапе зрелого социализма»².

Что же лежит в основе такого интереса? Что из опыта перехода народов Советского Востока от докапиталистических отношений к социализму, в каких условиях и как может быть использовано современными освободившимися странами?

Надо отметить, что историческая значимость опыта перехода народов Советского Востока к социализму, минуя капитализм, в нашей литературе оценивается далеко не однозначно. В отдельных случаях международное значение опыта народов Советского Востока декларируется без достаточной аргументации, а порой значимость этого опыта для современных освободившихся стран в сущности ставится под сомнение.

Для определения действительной значимости опыта народов Советского Востока в современных условиях методологически важно решить, однотипны ли процессы перехода бывших колониальных окраин России от докапиталистических отношений к социализму с теми, которые начали ныне осуществляться в освободившихся странах, ориентирующихся на социализм. Иначе говоря, важно определить, является ли переход народов Советского Востока к социализму исторически первой формой некапиталистического пути развития или, как нередко утверждается, это было нечто совсем иное, поскольку здесь процессы осуществлялись в рамках строительства социализма в Советской стране в целом. Для этого, в свою очередь, важно определить сущность некапиталистического пути развития.

Известно, что вопрос об определении понятия некапиталистический путь развития широко дискутируется в нашей литературе. Одни исследователи при его определении берут за основу то, под руководством каких политических сил происходит выбор социалистической цели и начинается продвижение к ней, другие — уровень социально-экономического развития, т. е. какие отношения — капиталистические или докапиталистические — являются исходными в момент избрания социалистической цели развития. Соответственно первые под некапиталистическим путем понимают такую фазу развития бывших колониальных и зависимых стран, когда социально-экономические преобразования, нацеленные на социализм, осуществляются не под руководством партии рабочего класса, а во главе с революционно-демократическими силами. Вторые же под некапиталистическим путем понимают переход к социализму от докапиталистических отношений, минуя капитализм или прерывая капиталистическое развитие до превращения капитализма в господствующий способ производства.

Если исходить из первой точки зрения, то, поскольку процессы перехода бывших колониальных окраин России от докапиталистических отношений к социализму происходили под руководством Коммунистической партии, в условиях победы диктатуры пролетариата в

¹ «Коммунист», 1982, № 4, с. 11.

² См.: «Правда Востока», 1983 г., 17—18 февраля.

России, а в современных странах социалистической ориентации социально-экономические преобразования осуществляются под руководством революционно-демократических партий, то не может идти речь о сходстве и однотипности этих процессов.

Однако анализ показывает, что и на Советском Востоке в свое время, и в странах социалистической ориентации ныне встают однотипные задачи — задачи борьбы за преодоление докапиталистических отношений, экономической и культурной отсталости — и что народы Советского Востока на своем опыте выявили существенные черты, повторяющиеся в сходных условиях в тех странах, которые ныне осуществляют также переход к социализму от докапиталистических отношений. Эти черты можно выявить на основе сравнительно-исторического анализа как исходных условий, так и самого хода революционных преобразований.

Анализ исходных социально-экономических условий бывших колоний и полуколоний России, в частности Средней Азии и Казахстана, в момент вступления их на путь перехода к социализму, минуя капитализм, показывает, что в их структуре есть черты той или иной степени общности. Это, во-первых, условия, общие для дореволюционной Средней Азии и Казахстана и для большинства бывших колоний и зависимых стран, а именно — господство докапиталистических отношений, соответствующая социально-классовая структура, экономическая, культурная отсталость. Во-вторых, — это условия, общие для дореволюционной Средней Азии и для стран так называемого «мусульманского мира» — сходство в духовной жизни, культуре, праве, морали, традициях, обычаях и т. д., связанных с господством ислама. В-третьих, — это сходство естественно-географических условий, хозяйственного склада, например наличие орошаемого земледелия, что, в частности, проявляется в развитии феодализма, как правило, без крупного помещичьего хозяйства, основанного на барщинном труде. Последнее, в свою очередь, определяет соответствующие особенности решения аграрного вопроса. В-четвертых, — это сходство условий дореволюционной Средней Азии и Казахстана с сопредельными или близко расположенными странами (Афганистан, Иран, Турция и др.), сложившееся в результате непосредственного общения с ними.

Наряду с указанными и иными чертами той или иной степени общности для условий Средней Азии и Казахстана в момент перехода их на путь некапиталистического развития и в процессе его реализации были характерны и существенные особенности. Средняя Азия и Казахстан были территориально сопредельны с метрополией, и национально-освободительная, антиимпериалистическая, антифеодальная борьба здесь слилась в единый поток с Великой Октябрьской социалистической революцией, что существенным образом сказалось на формах и темпах антифеодальных и социалистических преобразований. Степень проникновения капиталистических отношений в Средней Азии и Казахстане была меньшей, чем во многих освободившихся нынешних развивающихся странах, выбирающих путь социалистической ориентации. В связи с созданием мировой системы социализма и превращением ее в решающую силу мирового развития возникла новая расстановка сил между капитализмом и социализмом, что не может не сказаться на особенностях борьбы трудящихся бывших колоний и зависимых стран за национальное и социальное освобождение.

Учет как общих условий, так и особенностей чрезвычайно важен. Первые дают возможность выявить в опыте Советского Востока существенные черты, которые общи и для других бывших колоний и зависимых стран, выбирающих в сходных условиях ориентацию на социализм; вторые позволяют ответить на вопрос, почему именно наро-

ды колониальных окраин России первыми вырвались из колониальной системы империализма и встали на некапиталистический путь, а также понять неповторимость конкретно-исторической формы их развития.

На Советском Востоке были впервые выявлены в своеобразной конкретно-исторической форме закономерности некапиталистического развития, которые в конечном итоге сводятся к необходимости переходных фаз, форм, средств, обеспечивающих ускоренное и безболезненное для трудящихся масс преодоление докапиталистических отношений, социально-экономической и иной отсталости и создание тех материально-технических предпосылок социализма, которые в индустриальных странах складываются в результате капиталистического этапа развития. Так, в области политической в Средней Азии и Казахстане переходные формы проявились в том, что здесь партийные организации в своей деятельности исходили из сформулированного В. И. Лениным требования — «опираясь на общекommунистическую теорию и практику... суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»³.

Основной социальной базой для Коммунистической партии здесь значительное время были крестьянство и мелкобуржуазные городские слои, составлявшие большинство населения. Поэтому Компартии республик Средней Азии и Казахстана на начальных порах были преимущественно крестьянскими по своему составу. В Компартии Туркестана в 1919 г. рабочие составляли только 10%, а в 1921 г. — 20%⁴.

На качественном составе партийных организаций Советского Востока на первых порах сказывались также культурная отсталость, практическое отсутствие системы светского образования и чрезвычайно низкий уровень грамотности, а также то, что в духовной жизни общества огромную роль играла мусульманская идеология, нормы шариата и адата регулировали почти все отношения между людьми. Значительная часть коммунистов (к 1924 г. — почти треть состава КПТ) были неграмотными. В течение ряда лет религиозность рабочих и крестьян местных национальностей не была препятствием для вступления в партию. По материалам VII съезда КПТ, в 1923 г. 43,3% членов КПТ были зарегистрированы верующими⁵.

Эти и другие особенности состава партии и специфические задачи, которые вставали перед ней в условиях перехода к социализму от докапиталистических отношений, определяли своеобразие организационных форм. В большинстве партийных организаций во второй половине 1918 г. были образованы национальные и так называемые мусульманские секции. В марте 1919 г. было создано Мусульманское бюро, которое функционировало на правах отдела ЦК КПТ до января 1920 г. Действовали также областные и уездные организации Мусбюро. На них возлагались организация и руководство партийной работой среди членов партии из местных национальностей, проведение пропагандистской работы среди местного населения, подготовка и воспитание кадров, изучение партийной литературы на языках коренных национальностей. По мере продвижения края по некапиталистическому пути эти переходные организационные формы постепенно исчерпывали свои временные функции. К началу 1930 г. 49% коммунистов Средней Азии и Казахстана составляли рабочие⁶.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 329.

⁴ К социализму, минуя капитализм. Исторический опыт СССР по социалистическому строительству в Средней Азии и Казахстане. М., 1974, с. 49.

⁵ См.: VII съезд КПТ. Стенографический отчет. Ташкент, 1923, с. 33.

⁶ Справочник партийного работника, вып. 7, ч. 2. М.—Л., 1930, с. 380—381.

Таким образом, на Советском Востоке впервые было доказано, что коммунистические партии могут взять на себя руководство переходом к социализму и тех народов, которые стоят на докапиталистической стадии развития. Вместе с тем было доказано и то, что это сказывается на составе и «особых задачах» (Ленин) партии, требует применения коммунистической стратегии и тактики с учетом специфики отсталых стран.

На Советском Востоке впервые проявились и особенности государственного строительства в условиях некапиталистического развития. В первые годы после победы Октября в «старых» городах и на селе возникли «Советы мусульманских рабочих», «Советы мусульманских (дехканских) депутатов», родовые советы, «Киргизские Советы» и т. д., а также мусульманские (национальные) секции при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Социальной базой этих Советов был союз не только рабочих и крестьян, но и части национальной буржуазии, даже отдельные представители светских феодалов и духовенства, лояльно относившиеся к Советской власти и пользовавшиеся еще значительным влиянием среди населения. В отличие от рабоче-крестьянских Советов их можно определить как общедемократические⁷.

На Советском Востоке, таким образом, впервые проявилась обязательная для перехода от докапиталистических отношений к социализму закономерность — необходимость на определенном этапе единого фронта всех прогрессивных сил, заинтересованных в последовательном решении революционно-демократических задач. Была доказана применимость идеи Советов к докапиталистическим условиям. Вместе с тем было доказано, что и при некапиталистическом пути рабочий класс является той силой, которая обеспечивает окончательную победу социалистических отношений. К концу 20-х годов Советы на бывших колониальных окраинах сравнивались по своему социальному содержанию с Советами по всей стране, превратились в рабоче-крестьянские.

Проводившиеся в ходе некапиталистического развития на Советском Востоке социально-экономические и культурные преобразования также имели свои особенности по сравнению с соответствующими процессами в Центре страны. Так, в Средней Азии вплоть до середины 20-х годов землевладение крупных местных феодалов не было ликвидировано. Здесь в два этапа была проведена земельно-водная реформа. Первый этап (1921—1922 гг.) ликвидировал последствия колониальной аграрной политики империалистической России — коренное население было уравнено в правах на землю с переселенческим крестьянством. Второй этап (1925—1929 гг.) носил антифеодальный характер. Он привел к ликвидации феодальных форм эксплуатации крестьянства, ликвидировал феодальное землевладение. Специфических мер, форм и средств требовало и решение целого ряда других проблем, например перевод мелкого городского кустарного хозяйства на социалистические рельсы, решение женского вопроса, национального вопроса, ликвидация сплошной неграмотности, создание системы советского образования и т. д.

Необходимо было учитывать огромное влияние мусульманской религии и духовенства на трудящихся. Попытка насильственного устранения веками существовавших религиозных учреждений, нравов и обычаев могла привести к настроенному отношению верующих к Советской власти. Бывшие же эксплуататорские классы могли исполь-

⁷ См.: Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967, с. 398; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1964, с. 54—55.

зовать религию как знамя в борьбе за свои интересы. Вот почему Коммунистическая партия и Советское правительство в 1921—1922 гг. в числе мер по борьбе с басмачеством приняли решение о так называемых политуступках — вакуфы были возвращены мечетям и медресе, восстановлены старометодные мактабы, а также суды казиев и биев. Впоследствии, по мере продвижения по некапиталистическому пути, эти явления постепенно изжили себя.

На Советском Востоке, таким образом, впервые выявилась общая для всех народов, избирающих некапиталистический путь, закономерность — обязательность такого решения общедемократических задач, которое ускоряет создание материальных и иных предпосылок для последующих социалистических преобразований. Такие задачи на бывших колониальных окраинах России были разрешены к концу 20-х годов.

Итак, народы Советского Востока дали исторически первый пример перехода к социализму, минуя капитализм. Наиболее существенные черты их опыта нашли свое повторение при переходе Монголии к социализму. Они могут повторяться в странах, ныне осуществляющих некапиталистический путь.

Использование исторического опыта некапиталистического развития практически важно для молодых государств. Ведь социалистическая ориентация — это прерыв стихийного движения в сторону капитализма. Отсюда особая важность субъективного фактора, в частности умения принимать наиболее оптимальные решения и по возможности не допускать ошибок и перегибов. Необходима, как говорил в докладе «Шестьдесят лет СССР» Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, «продуманная стратегия экономического и социально-политического развития»⁸.

В этом неоценимую роль может сыграть знание уже накопленного исторического опыта. Конечно, непременным условием эффективности его использования является учет конкретно-исторической обстановки в каждой стране. В любом случае усвоенный опыт должен превратиться в реальный фактор исторического творчества всех тех, кто его воспринимает. В качестве такового он может способствовать ускорению исторического процесса перехода бывших колоний и полуколоний на путь социалистической ориентации на базе последовательного осуществления прогрессивных социальных преобразований.

М. А. Ахмедова

**СОВЕТ ШАРҚИ ХАЛҚЛАРИНИНГ КАПИТАЛИЗМНИ ЧЕТЛАБ УТИБ
СОЦИАЛИЗМГА УТИШ ТАЖРИБАЛАРИДАН ИЖОДИЙ ФОЙДАЛАНИШ
ШАРОИТЛАРИ ҲАҚИДА**

Мақолада Совет Шарқи халқларининг социализмга нокапиталистик ўтиши тажрибасининг социалистик ривожланиш йўлидаги тараққий этаётган халқлар томонидан қабул қилиниши, узатилиши ва ижодий фойдаланиши ҳақида сўз боради.

⁸ «Правда», 1982 г., 22 декабря.

Х. К. ҚАРИМОВ, М. У. УСМАНОВ

**ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ ТРУДА
И ДУХОВНОГО ОБЛИКА РАБОЧИХ**

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, посвященном 60-летию СССР, с новой силой прозвучала выдвинутая

XXVI съездом КПСС задача — расширять и улучшать подготовку высококвалифицированных кадров советского рабочего класса — ведущей силы нашего общества¹.

Количественный и качественный рост рабочего класса — носителя передовых форм труда, коммунистической идеологии и новой психологии, как подчеркнул Ш. Р. Рашидов на совместном торжественном заседании ЦК КПУз и Верховного Совета УзССР, посвященном 60-летию образования Союза ССР, — одно из важнейших социальных достижений Узбекистана. Если 60 лет назад, в год образования СССР, в Узбекистане насчитывалось 20 тыс. рабочих, то ныне в народном хозяйстве республики занято 3,5 млн. квалифицированных рабочих².

Развитие научно-технического прогресса, перенесение центра тяжести на усиление эффективности производства, значительное улучшение качества работы неразрывно связаны с дальнейшим подъемом культурно-технического уровня рабочих, что, в свою очередь, требует решения многих социально-политических и научных проблем. Одна из них — взаимообусловленность культуры труда и духовного облика рабочих.

Культура труда как важнейший компонент общественного производства предполагает определенный уровень его научной организации, создание соответствующих условий труда и обеспечение его безопасности, наличие необходимых санитарно-гигиенических условий окружающей среды, комплекса бытовых и вспомогательных помещений, а также высокого культурно-нравственного климата в трудовом коллективе и т. д.

Эти компоненты диалектически взаимосвязаны и оказывают друг на друга постоянное воздействие, хотя роль каждого из них в формировании культуры промышленного труда не равнозначна.

Для правильного, научного толкования указанных вопросов прежде всего надо исходить из марксистского определения категории труда. Общеизвестно, что труд — это процесс взаимодействия между человеком и природой, в котором человек, целенаправленно, сознательно воздействуя на предметы природы, переделывает и преобразует их для удовлетворения своих материальных, духовных и культурных потребностей. Следовательно, все материальные, духовные и культурные ценности создаются трудом человека, тесно переплетаются с человеческой деятельностью. Отсюда вытекает и сама диалектика соотношения труда и культуры.

Понятие «культура» в широком смысле включает в себя не только субъективные силы и способности человека, реализуемые в процессе духовной деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллектуального, эстетического, нравственного развития, мировоззрения и т. п.), но и результаты трудовой деятельности, при помощи которых создается материальная культура, т. е. орудия труда, машины, технические сооружения, средства транспорта и связи и т. п.

Именно в процессе производства предметов материальной культуры и появляется потребность в повышении культуры труда, представляющей неотъемлемую часть трудовой деятельности людей. Вместе с тем понятие «культура труда» включает в себя и элементы духовной деятельности. Иной подход к данному вопросу привел бы к отрицанию роли материализации знаний, навыков в процессе производства материальной культуры. Только диалектико-материалистический подход к вопросам производства материальных и духовных благ в условиях конкретных общественно-экономических формаций приводит к правильному, научному осмыслению проблемы культуры вообще, культуры труда, в частности.

¹ См.: «Правда», 1982 г., 22 декабря.

² «Правда Востока», 1982 г., 18 декабря.

В советской философско-социологической литературе подчеркивается, что «культура — это достижения в области материальной и духовной жизни общества, а также те способы деятельности, в которых выражается рост творческих сил и способностей людей. Она является важнейшим результатом человеческой деятельности»³ (подчеркнуто нами.— Х. К., М. У.). Это подтверждает глубокую научность известного изречения Ф. Энгельса о том, что «труд создал самого человека».

Субъект в процессе практической деятельности так или иначе участвует в создании культурных ценностей. Производя материальные и духовные блага, он относится к объектам труда не механически, а творчески, т. е. затрачивая умственные усилия — мысли, идеи. Отсюда вытекает сам механизм диалектического сочетания труда и культуры. Только признавая наличие в человеческой деятельности элементов творчества, можно прийти к «правильной трактовке понятия «культура»⁴. Если же человеческая деятельность лишена творческого начала и субъект механически выполняет те или иные операции, прикован к технике, машине, то, очевидно, не может идти речи и о культуре труда.

Субъект в ходе производства материальных благ совершенствует свой практический опыт, творчески мыслит над улучшением качества изготавливаемой продукции, разрабатывает новые конструкции и технологию производственных процессов. Поэтому создание материальных ценностей действительно требует диалектического сочетания труда и культуры как необходимого компонента общественного производства. «Материальное производство,— как правильно отмечает А. С. Фриш,— вызвало к жизни и культурный процесс, и духовное производство как необходимое средство осуществления этого процесса»⁵. Исследуя отдельные аспекты культуры и труда, В. В. Скляр подчеркивает, что «материальную основу культуры составляет труд»⁶.

Каждому этапу развития общественно-экономических формаций были присущи отдельные элементы культуры труда. Но наиболее полный простор для их проявления возможен лишь при социализме. В условиях развитого социализма производство материальных благ имеет не только экономический, но и социальный аспект, одним из важнейших компонентов которого является культура труда. Гуманистический характер социалистического общества создает благоприятные условия и возможности для радостного, творческого труда, который содействует и поднятию культуры производства.

Таким образом, понятие «культура» нельзя рассматривать лишь как совокупность духовных ценностей, ибо она непосредственно связана и с производством материальных благ. Вполне естественно, что «каждому способу производства соответствует и определенный тип культуры»⁷ (подчеркнуто нами.— Х. К., М. У.).

Автоматизация, механизация и кибернетизация производственных процессов требует от современного производителя не только технической грамотности, но и общей культуры, образования. Культурно-технические потребности людей постоянно растут и развиваются. В частности, как говорится в материалах XXVI съезда КПСС, «индустриальное освоение новых регионов важно и в социальном, и в политическом планах. Возникающие там производственные коллективы несут с со-

³ Шершунов А. Д. Категории исторического материализма и их взаимосвязи. М., 1975, с. 5, и др.

⁴ Фриш А. С. Роль культуры в развитии материального производства. М., 1968, с. 5.

⁵ Там же, с. 8.

⁶ «Философские науки», 1979, № 6, с. 56.

⁷ Вопросы духовной культуры советских рабочих. Свердловск, 1969, с. 3.

бой высокую культуру труда и быта, новый, современный ритм жизни»⁸.

«Способ производства материальной жизни,— писал К. Маркс,— обуславливает социальные, политический и духовный процессы жизни вообще»⁹. Одним из важнейших направлений коммунистического строительства является формирование у трудящихся культурно-нравственных идеалов, что диалектически взаимосвязано с социалистическим общественным производством. Еще Ф. Энгельс более ста лет назад в «Принципах коммунизма» писал, что «общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам все-сторонне применять свои всесторонне развитые способности»¹⁰.

Классики марксизма-ленинизма учат, что духовный облик рабочего складывается не только в обществе, но и в трудовом коллективе. Не природа, а общественно-трудовая потребность служит побудительным стимулом формирования культуры личности каждого производителя.

Все способности, формы духовной и практической жизни — волю, память, мысль, творчество и т. д. — рабочий развивает в себе лишь в той мере, в какой он не только пользуется дарами природы, но и учится производить, т. е. овладевает общественно выработанными способами изменения объективного мира в соответствии с требованиями и условиями человеческой культуры.

В этом большую роль играет и то, сколь широкое поле деятельности открывает общество перед рабочим, насколько полно оно способно развить и применить его таланты, творческие способности и дарования, насколько их всестороннее развитие соответствует требованиям той или иной общественной системы. Так, одной из важнейших задач строительства коммунизма является воспитание нового человека, формирование всесторонне развитого, духовно, нравственно, эстетически богатого труженика.

В развитии и совершенствовании духовного облика рабочих, подъеме культуры их труда огромную роль играют литература и искусство. Так, соприкосновение с произведениями искусства способствует воспитанию у рабочих соответствующих эстетических чувств, воздействует на их духовный мир, побуждая к подлинному творчеству, как в своей трудовой деятельности, так и вне ее. Например, результаты социологического обследования, проведенного на Самаркандском опытно-механическом заводе, показали, что отдельные рабочие, проявляя моральную, эмоционально-эстетическую удовлетворенность своей работой, создают художественные полотна, раскрывающие героичность трудовых будней, сплоченность рабочего коллектива, высокие моральные качества людей труда.

Эстетические чувства рабочих диалектически взаимосвязаны с формированием у них художественного вкуса, который проявляется и в растущих запросах к уровню культуры труда, его научной организации, к вопросам производственного дизайна и т. д. Это, в свою очередь, отражается и на культуре повседневного поведения рабочих, общем уровне их культуры, широте кругозора, богатстве внутреннего духовного мира личности.

Творческое, сознательное, нравственно-эстетическое отношение к своему делу укрепляет активную жизненную позицию советских рабочих, их нетерпимое отношение к любым недостаткам, нарушениям производственной, технологической, трудовой дисциплины, их решимость настойчиво добиваться всемерного повышения эффективности

⁸ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 33.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 336.

производства и качества работы, роста производительности труда, строжайшего режима экономии и решения других актуальных производственных задач.

Все это требует всемерной активизации и совершенствования многогранной воспитательной работы в трудовых коллективах при непременном соблюдении принципа комплексного подхода к постановке всего дела идейно-политического, трудового и нравственного воспитания, особенно рабочей молодежи.

Выдвинутая XXVI съездом КПСС обширная программа воспитания всесторонне, гармонически развитой личности, органической частью которой является совершенствование духовного облика рабочих, опирается на имеющиеся объективные, материальные условия для ее осуществления — рост благосостояния трудящихся, сокращение рабочего и увеличение свободного времени и т. д. Она нацелена на формирование и закрепление у рабочих стремления и умения трудиться и жить по «законам красоты», т. е. взаимообуславливает дальнейшее духовное развитие рабочего и повышение культуры его труда. Данный процесс будет все более усиливаться по мере продвижения нашего общества к коммунизму.

Х. К. Каримов, М. У. Усмонов

**ИШЧИЛАР МЕҲНАТ МАДАНИЯТИ ВА МАЪНАВИЙ ҚИЁФАСИНИНГ
ЎЗАРО БОҒЛИҚЛИГИ**

Мақолада ҳозирги замон совет ишчисининг меҳнат маданияти ва маънавий қиёфасининг ўзаро боғлиқлиги Ўзбекистонга оид конкрет материаллардан фойдаланган ҳолда берилган.

К 2000-летию Ташкента

Г. РАШИДОВ

БАСТИОН СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ

Как известно, уже в предоктябрьский период г. Ташкент был важнейшим центром экономической, политической и культурной жизни Туркестана. Здесь сформировался наиболее крупный отряд туркестанского пролетариата, который под руководством большевиков прошел большую школу революционного движения и выступил в авангарде борьбы за установление и упрочение Советской власти в крае. Победа вооруженного восстания в Ташкенте сыграла решающую роль в распространении власти Советов по всему Туркестану.

В апреле 1918 г. V краевой съезд Советов принял решение о создании Туркестанской АССР. Ташкент стал ее столицей. В этих условиях еще более возросла общественно-политическая активность ташкентского пролетариата под руководством крупнейшей в крае городской организации партии большевиков. Повысилась и роль руководимого коммунистами Ташкентского Совета — наиболее крупного и авторитетного среди Советов Туркестана.

Все это обусловило превращение Ташкента в важнейший бастион Советской власти в Туркестане в годы гражданской войны и иностранной интервенции, когда объединенные силы внутренней и внешней контрреволюции пытались ликвидировать Советскую власть как в Центре, так и в национальных районах страны.

Молодая Туркестанская республика оказалась в огненном кольце фронтов — Оренбургского (Актюбинского), Семиреченского, Ферганского и Закаспийского. Они на длительные периоды отрезали ТАССР от Центральной России, и в этой труднейшей обстановке, в условиях блокады и разрухи, героический ташкентский пролетариат, проявляя верность революционным идеалам, мужественно отстаивал родную Советскую власть.

В соответствии с решением Советского правительства, в крае, как и по всей стране, были сформированы отряды Красной гвардии, а затем Красной Армии. В их организации активное участие принимали и трудящиеся Ташкента, особенно рабочие промышленных предприятий. Формирование красноармейских частей усилилось с лета 1918 г. До этого оно осуществлялось по добровольному принципу, а с июля 1918 г., согласно решению V Всероссийского съезда Советов, началось создание регулярных воинских частей на основе призыва трудящихся в армию.

Это мероприятие получило горячий отклик среди ташкентцев. Настроение масс ярко выразилось в постановлении общего собрания мастеровых и рабочих Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги и Бородинских мастерских, принятом 18 июля 1918 г. «Мы шлем свой горячий, товарищеский привет, — говорилось в нем, — оренбургским рабочим, которые выступили с оружием в руках на защиту наших общих интересов, и заявляем им, что мы готовы по первому их

призыву, как один человек, встать под ружье для борьбы с контрреволюцией и своими силами и средствами помогать оренбургским рабочим в их борьбе. В то же время заявляем нашим товарищам, что Советская власть Туркестанской Федеративной Республики будет защищаться нами с той же стойкостью, с какой борются оренбургские рабочие»¹.

В организацию советских вооруженных сил свой вклад внесли и рабочие «старого города» Ташкента, узбекская беднота.

Правительство Советского Туркестана заботилось и о подготовке военных инструкторов, кадров командного состава. В середине сентября 1918 г. в Ташкенте были открыты первые военно-командные курсы Туркестана, готовившие военных специалистов. Ташкентцы составляли костяк советских вооруженных сил края. Только во второй половине 1918 г. в городе были организованы 1 и 2-й туркестанские полки Красной Армии; 1-й Ташкентский отдельный узбекский батальон, Ташкентская национальная команда, Ташкентский советский социалистический батальон, Ташкентская партийная дружина и другие части. К концу 1918 г. в рядах Красной Армии насчитывалось уже более 4 тыс. ташкентцев. Успешно проводились в Ташкенте партийная мобилизация и мобилизация членов профсоюзов в Красную Армию. Только в мае 1919 г. по партийной мобилизации в армию было призвано свыше 450 человек.

Комплектование красноармейских частей значительно улучшилось после приезда в Ташкент Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, созданной по инициативе В. И. Ленина (октябрь 1919 г.).

В мае 1920 г. был издан приказ о призыве в ряды Красной Армии 30 тыс. представителей местных национальностей². В соответствии с этим приказом, в середине 1920 г. по решению Ташкентского горкома партии было мобилизовано 350 коммунистов. Энтузиазм охватил широкие слои трудящихся. В «старом городе» Ташкента проходили собрания и митинги рабочих, кустарей, которые выражали желание помочь делу укрепления советских вооруженных сил. До 1 июля 1920 г. только в Кукчинской, Шейхантаурской и Сибзарской частях «старого города» было мобилизовано 266 человек, а до сентября — еще 1600³.

Ташкентские красногвардейские и красноармейские отряды сыграли большую роль в отстаивании завоеваний Великого Октября, укреплении Советской власти в многонациональном Туркестане.

Внутренняя и внешняя контрреволюция всячески пыталась свергнуть Советскую власть в Туркестане, прежде всего в Ташкенте, учитывая его военно-политическое и экономическое значение. Здесь действовала контрреволюционная «Туркестанская военная организация», объединившая вокруг себя все антисоветские элементы. В «старом городе» Ташкента опорой заговорщиков была «Фуккака джамияти» («Общество толкователей ислама»). Ташкентская контрреволюция поддерживала связи с Бухарским эмиром, бандами басмачей, главарями белогвардейцев, иностранными империалистами.

В январе 1919 г. антисоветским силам удалось поднять контрреволюционный мятеж в Ташкенте. Мятежники арестовали и расстреляли видных деятелей Коммунистической партии и Советского правительства Туркестана — 14 туркестанских комиссаров. Они захватили часть «нового города». В эти трудные дни ташкентские большевики Д. Манжара, И. Белов, А. Казаков, Н. Ходжаев, М. Миршарапов и другие сумели организовать трудящихся и поднять их на борьбу с мятежниками. В городе создавались рабочие отряды и партийные дру-

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 11, л. 287—288.

² М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., 1941, с. 278.

³ Ташоблгосархив, ф. 12, оп. 1, д. 16, л. 2—5.

жины, куда добровольно записывались многие рабочие. Так, в борьбе с контрреволюционерами участвовали 2500 рабочих (пятая часть) Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги⁴.

В дни мятежа оживились антисоветские элементы и в «старом городе» Ташкента. Они распространяли среди местного населения провокационные слухи, якобы «большевики разгромлены и старые николаевские порядки восстановлены»⁵. Ими было организовано так называемое «Временное правительство» в «старом городе», по указке которого начались репрессии и аресты большевиков и сторонников Советской власти. В этих условиях большевики развернули широкую разъяснительную работу среди населения, рассказывали ему о причинах и целях антинародного мятежа, призывали трудящихся на борьбу против общего врага.

Рабочие и беднота «старого города» не поддались на провокации контрреволюционеров, а еще больше сплотились вокруг большевиков. Две партийные дружины из «старого города» пришли на помощь рабочим и красноармейцам «нового города». Благодаря героизму и стойкости ташкентского пролетариата мятеж был разгромлен.

Ташкентский Совет обратился к населению с воззванием, где сообщал о ликвидации антисоветского мятежа и призывал Советы беспощадно уничтожать «все вспышки контрреволюционеров, под каким бы лозунгом эти вспышки не возникали». Разгром мятежа имел большое политическое значение — были сорваны планы международной реакции, направленные на уничтожение власти Советов в Туркестане, нанесен удар не только по контрреволюционным силам, принимавшим активное участие в мятеже, но и другим враждебным элементам, оказывавшим им всяческую поддержку.

Узбекские трудящиеся наряду с русским пролетариатом принимали самое активное участие в борьбе с мятежниками, проявив высокую сознательность, понимание своих классовых интересов. В этой борьбе они получили новую закалку для грядущих боев за упрочение Советской власти. На VIII съезде Советов Туркестана (сентябрь 1919 г.) председатель старгородского Ташкентского Совета Н. Ходжаев сказал: «После январских событий мы видели, что мусульманский пролетариат сдал экзамен и мусульманский пролетариат, железный, гибкий и, как сталь, закаленный, пролил кровь за общее дело... наши ряды пополняются из всего края. Пролетариат знает, куда примкнуть, за кем идти»⁶.

Под руководством коммунистов рабочие Ташкента установили и решительно поддерживали в городе твердый революционный порядок.

Борьба с контрреволюцией продемонстрировала крепнущую дружбу между русскими и узбекскими трудящимися, широкое проникновение идей Советской власти в самую гущу местного населения, сплочение трудящихся местных национальностей вокруг большевистской партии и Советского государства.

Рабочие Ташкента сыграли значительную роль и в разгроме объединенных сил контрреволюции на фронтах гражданской войны. Ташкент превратился в центр организации героической обороны Туркестана от внутренних и внешних врагов. Здесь были сосредоточены все руководящие военные организации республики: Верховная военная коллегия по обороне Туркестана, Центральная коллегия по снабжению войск республики, Революционный военный совет Туркестанской республики, Совет рабоче-крестьянской обороны Туркестана. Столица ТАССР играла ведущую роль в обеспечении фронтов руководящими военными кадрами, людскими резервами, снаряжением, обмундированием.

⁴ Партархив Ташкентского ОК КПУз, ф. 164, оп. 14, д. 1, л. 3—5.

⁵ «Иштракиюн», 1919 г., 30 января.

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 250а, л. 145.

Трудящиеся Ташкента на массовых собраниях и митингах выражали возмущение действиями контрреволюционеров, свою готовность встать на защиту Советской власти. Такие собрания проходили в Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги, Бородинских мастерских, на заводе «Ташсам», в «старом городе», где собирались представители профсоюзных организаций местных национальностей. Например, рабочие и мастера Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги и Бородинских мастерских, узнав о событиях на Оренбургском фронте, заявили: «Готовы по первому... призыву как один человек встать под ружье для борьбы с контрреволюцией и всеми силами и средствами помогать оренбургским рабочим в их борьбе»⁷.

Слова ташкентских рабочих не расходились с делом. Из Ташкента на Оренбургско-Актюбинский фронт были направлены 1-й боевой революционный ташкентский отряд, специальные отряды, организованные из рабочих Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги и Таштрама, ударный полк, состоявший из коммунистов Ташкента, два батальона, курсанты Ташкентского военного училища и др. В боях с белоказаками на Оренбургском фронте особенно отличились Г. Монахов, И. Ряховский, М. Родионов, И. Исмаилов, У. Норматов, Ш. Халмухамедов, К. Джантемиров и другие ташкентские рабочие.

Получив подкрепление из Ташкента, войска Оренбургского фронта добились успеха и разгромили армию генерала Белова. Благодаря активным наступательным действиям советских войск была окончательно ликвидирована «Оренбургская пробка» и Туркестан соединился с Центром.

Серьезным было положение и на Закаспийском фронте. Наступление белогвардейцев и интервентов имело целью не только установление контрреволюционной диктатуры в Закаспии, но и свержение Советской власти в Средней Азии. К Закаспийскому фронту было приковано пристальное внимание Компартии Туркестана и правительства республики. Трудящиеся Ташкента стремились лично участвовать в борьбе против английских интервентов и белогвардейцев. Об этом они заявляли на общих собраниях коллективов промышленных предприятий города и отдельных профсоюзов. Одним из первых выехал на фронт отряд, состоявший из добровольцев — русских и узбекских рабочих Ташкентского трамвая. За ним последовали 1 и 2-й красноармейские отряды и красногвардейские отряды во главе с военно-политическим штабом. Бойцы этих воинских частей проявили стойкость и героизм в ожесточенных схватках с белогвардейцами.

Осенью 1918 г., когда положение на Закаспийском фронте несколько осложнилось, по решению Исполкома новгородского Ташкентского Совета на фронт был отправлен отряд, состоявший из рабочих и членов профсоюза, а также 1-й боевой ташкентский революционный отряд, сражавшийся ранее на Оренбургском фронте. Перед отправкой на фронт собрание бойцов отряда послало В. И. Ленину радиogramму следующего содержания: «Красный пролетариат Ташкента считает долгом своим... выделить из своих рядов лучших борцов за пролетарскую революцию, которые отправились на Асхабадский (Закаспийский.— Г. Р.) фронт для нанесения окончательного удара контрреволюционным бандам мятежников»⁸. Туда же выехали и другие части — 6-я узбекская рота 1-го ташкентского красноармейского отряда, 2-й ташкентский отряд, 1-й ташкентский мусульманский батальон, ташкентский красноармейский полк и другие части.

К началу 1919 г. бойцы-ташкентцы составляли основную часть со-

⁷ Ташоблгосархив, ф. 10, оп. 13, д. 47, л. 30—31.

⁸ Там же, ф. 374, оп. 1, д. 1, л. 102.

ветских вооруженных сил на Закаспийском фронте. Это отмечалось в письме Исполкома новгородского Совета ЦК КПТ и СНК республики, где говорилось: «Главные силы на Асхабадском фронте состояли из рабочих кадров Ташкента»⁹.

В мае 1919 г. бойцы Красной Армии Закаспийского фронта перешли в наступление и освободили от белогвардейцев ряд городов Закаспия, а в начале 1920 г. был взят последний оплот белогвардейцев — Красноводск. В Закаспии была восстановлена Советская власть. Ташкентская большевистская организация и городской Совет оказали значительную помощь местным органам власти в налаживании хозяйственной и политической жизни, очистке партийно-советских органов от вражеских элементов, что способствовало укреплению Советской власти в Закаспии.

С образованием Ферганского фронта басмаческие банды при поддержке иностранных империалистов оживили свои действия в большей части Ферганской долины. Правительство Туркестана уделяло много внимания этому фронту. Первоначально туда были направлены рабочие отряды из железнодорожников Ташкента, затем — специальный отряд рабочих, а по решению Исполкома новгородского Совета — Ташкентская мусульманская партийная дружина, мусульманский партийный эскадрон и др.¹⁰

Члены Турккомиссии неоднократно выезжали в районы Ферганской долины с целью изучения создавшегося положения и организации борьбы с басмачеством, причем не только с применением вооруженной силы, но и усилением агитационно-пропагандистской работы в войсках и среди местного населения. С этой целью Турккомиссия направляла в Фергану из Ташкента опытных партийных и советских работников, знающих местные языки и условия. Например, в сентябре 1920 г. Ташкентский городской комитет партии мобилизовал 50 коммунистов из местных национальностей для ведения военно-политической работы в Фергане. В октябре-ноябре 1920 г. проводилась мобилизация членов Советов. Только в ноябре на Ферганский фронт выехали 59 членов ташкентских Советов. По инициативе ташкентских большевиков неоднократно проводились обсуждения методов и форм борьбы с басмачеством, причем указывалось на необходимость более широкого привлечения к этой борьбе самих трудящихся. Таким образом, коммунисты, рабочие, все трудящиеся Ташкента внесли большой вклад в разгром басмачества в Фергане.

Летом 1920 г. под руководством большевиков развернулось революционное движение в городах и селах Бухарского эмирата. Ташкентские рабочие сочли своим долгом оказать помощь восставшим против эмирской тирании трудящимся Бухары. Вопрос о бухарских событиях обсуждался на собраниях трудящихся города. Ему специально посвящались партийные собрания на ряде предприятий, коллективы которых выражали готовность прийти на помощь трудящимся Бухары. Коммунисты и рабочие Ташкента находились в рядах Красной Армии, сражавшейся вместе с бухарским народом за свержение власти эмира и установление народной Советской власти в Бухаре. Среди них были рабочие Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги, Бородинских мастерских, Таштрама, кожевенных заводов и др.¹¹ В боях за взятие г. Бухары — последнего оплота контрреволюции в Средней Азии — самое активное участие приняли более 100 рабочих Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги и 150 коммунистов местных национальностей из Ташкента¹². Кроме того, ташкентская

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 11, л. 13.

¹⁰ ЦГАСА СССР, ф. 110, оп. 3, д. 98, л. 17.

¹¹ Партархив Ташкентского ОК КПУз, ф. 164, оп. 14, д. 937, л. 40.

¹² Там же, ф. 18, оп. 28, д. 192, л. 149.

партийная организация направила в Бухару своих представителей для содействия упрочению победы народной революции.

Значительная помощь со стороны ташкентских рабочих была оказана и в борьбе с белогвардейцами на Семиреченском фронте, а также в Амударьинском отделе.

Рабочие, трудящиеся Ташкента не только мужественно сражались на фронтах гражданской войны, но и самоотверженно трудились на промышленных предприятиях, снабжая фронты всем необходимым: обмундированием, боеприпасами, снаряжением. Так, в конце 1918 г. из Ташкента для войск Оренбургского фронта было отправлено 50 полушубков, 10 тыс. набрюшников, 10 тыс. пар перчаток, 3 тыс. фуфаяк, 3 тыс. кальсон, 1900 шт. ватных брюк, 100 шинелей и др., а для войск Закаспийского фронта — 3 тыс. теплых рубах, 3 тыс. пар портянок, 500 нательных рубах, 3 тыс. пар перчаток¹³.

Условия военного времени определяли ассортимент продукции, производимой промышленными предприятиями Ташкента. Вся деятельность их была подчинена интересам и нуждам фронта. Главные мастерские Среднеазиатской железной дороги, целлюлозный завод, артиллерийские мастерские, пороховой завод и другие фабрики и заводы города производили продукцию, необходимую для снабжения армии. Ряд предприятий специально работали на оборону. Перестройка их работы на военный лад сопровождалась борьбой за увеличение объема производимой продукции. В январе 1920 г., например, вдвое увеличилась производительность труда на фабрике «Ташсам»; самоотверженно трудились работники ташкентских ткацких мастерских, шорных мастерских, кожевенных заводов и других предприятий, работавших для фронта. К этому времени из 1364 предприятий города 228 трудились на оборону¹⁴.

Понимая всю важность своей работы для победы над врагом, ташкентские рабочие проявляли настоящий трудовой героизм, добивались высоких показателей в труде, несмотря на крайне тяжелые условия — нехватку рабочей силы, сырья, энергии, оборудования. Благодаря огромному энтузиазму рабочих в Ташкенте в короткий срок был построен и пущен в ход в сентябре 1920 г. пороховой завод. Ташкент снабжал фронт не только снаряжением и боеприпасами, но и продовольствием.

Население города принимало активное участие в «неделях помощи фронту». Были созданы специальная Центральная комиссия помощи фронту общетуркестанского значения, две комиссии в старгородской и новгородской частях Ташкента. Члены их разъясняли трудящимся значение «недель помощи фронту». Первая «неделя» была проведена в январе 1920 г. В течение ее рабочие и служащие пожертвовали фронту значительные средства. Так, за один день «недели» рабочие «нового города» собрали более 41 тыс. руб., а рабочие завода «Ташсам» сшили вне плана более 1 тыс. гимнастеров, свыше 700 шаровар, 900 тужурок.

В организации нормального снабжения фронта всем необходимым огромная роль принадлежала железнодорожному транспорту, в связи с чем проводились и «недели транспорта», в течение которых ремонтировались как транспортные средства, так и железнодорожные пути.

Трудовой энтузиазм рабочих, их стремление помочь быстрейшему налаживанию работы промышленности и транспорта, оказать максимальную помощь фронту нашли яркое выражение в субботниках и воскресниках, которые организовывались, начиная со второй половины 1919 г. и в 1920 г. Инициаторами их в Туркестане выступили ташкентские рабочие, в первую очередь железнодорожники. Субботники

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 72, л. 9.

¹⁴ Там же, ф. Р-17, оп. 1, д. 262, л. 1.

проходили при непосредственном участии и руководстве большевиков, разъяснявших трудящимся всю важность этого мероприятия.

Так, в октябре 1919 г. городской комитет партии обратился «Ко всем товарищам рабочим, красноармейцам, крестьянам и дехканам» с призывом принять активное участие в субботниках и воскресниках. Первый в Ташкенте субботник состоялся 17 октября 1919 г. на ж.-д. ст. Ташкент. В нем участвовали только коммунисты. Более организованно и регулярно субботники стали проводиться в 1920 г. Этому способствовало создание специального бюро субботников. Особенно результативными были первомайские субботники. Нередко устраивались и воскресники. Так, воскресник 1 августа 1920 г. продемонстрировал огромный трудовой энтузиазм трудящихся Ташкента. В нем приняли участие более 25 300 человек, из них свыше 12 тыс. жителей «старого города»¹⁵.

Участники субботников и воскресников внесли существенный вклад в борьбу с разрухой, восстановление народного хозяйства края.

Таким образом, в трудные годы гражданской войны и иностранной интервенции в Средней Азии Ташкент являлся надежным оплотом Советской власти. Героические подвиги ташкентских рабочих и красноармейцев становились известными далеко за пределами Туркестана. Они вдохновляли трудящиеся массы на отпор врагу.

О трудовых и ратных подвигах ташкентского пролетариата писала «Правда». За положением в городе и крае внимательно следили ЦК РКП(б), Советское правительство, лично В. И. Ленин, оказывавшие Советскому Туркестану и его столице всевозможную помощь, особенно после ликвидации «Оренбургской пробки».

Характеризуя роль ташкентского пролетариата в установлении и укреплении Советской власти в Туркестане, первый Президент Узбекской ССР Ю. Ахунбабаев сказал: «Ташкентский пролетариат был застрельщиком Великого Октября. Когда было много трудностей, он всегда первым боролся против врагов. Когда была Оренбургская пробка, ташкентский пролетариат первым выступил и открыл пробку... В то время, когда басмачество развивалось в Туркестане, рабочие Ташкента первые пришли на помощь Советской власти. Благодаря помощи Ташкента были ликвидированы все трудности»¹⁶.

За большие революционные заслуги, весомый вклад пролетариата Ташкента в отражение империалистического натиска, установление и упрочение Советской власти он был в 1924 г. награжден Президиумом ВЦИК орденом Красного Знамени.

Рабочие, все трудящиеся столицы Узбекистана помнят и свято хранят славные революционные и трудовые традиции ташкентского пролетариата, продолжая и развивая их сегодня в упорной борьбе за выполнение исторических решений XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС, за достойную встречу новыми трудовыми успехами знаменательной даты — 2000-летия родного города — города мира, мужества и дружбы, одного из ярких маяков социализма на Востоке.

Ф. Рашидов

СОВЕТ ҲОКИМИЯТИНИНГ ТУРКИСТОНДАГИ БАСТИОНИ

Тошкентнинг 2000 йиллигига бағишланган бу мақолада граждандар уруши ва чет эл интервенцияси йилларида тошкентлик пролетариатларнинг Октябрнинг Туркистондаги улуғ ғалабаларини ҳимоя қилиши учун курашининг муҳим аҳамиятга эга эканлиги ёритилган.

¹⁵ Бюллетень бюро субботников Ташкентской организации РКП(б), 1920 г., 14 августа.

¹⁶ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 1, д. 557, л. 151.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
РЕСПУБЛИКИ ПО КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ТРУДЯЩИХСЯ
В ГОДЫ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Коммунистическая партия и Советское государство располагают богатым арсеналом форм и средств идейно-воспитательной работы. Ее сердцевиной, как подчеркивалось в материалах XXIV съезда КПСС, «является формирование у широчайших масс трудящихся коммунистического мировоззрения, воспитание их на идеях марксизма-ленинизма»¹.

В решении этих задач большая роль принадлежит культурно-просветительным учреждениям. Высоко оценивая их значимость в общественно-политической жизни и организации досуга населения, XXIV съезд КПСС отметил необходимость в годы девятой пятилетки «завершить в основном создание Домов культуры в районных центрах и культурно-просветительных учреждений во всех крупных населенных пунктах. Совершенствовать библиотечное дело»².

Директивные указания партии легли в основу деятельности всех культпросветучреждений страны, в том числе Узбекистана.

В 1971 г. в республике насчитывался 3471 клуб³, где при активном содействии партийных, советских органов велась разнообразная идейно-политическая и культурно-массовая работа.

Одной из ее эффективных форм явилось создание агитационно-пропагандистских групп, призванных прежде всего разъяснять широким народным массам решения XXIV съезда КПСС. В Намангане, например, такие группы действовали во всех 52 махаллинских комитетах⁴.

Использовались и такие формы организации политической агитации, как народные политические школы, группы политинформаторов, клубы избирателей и др.

Первоначально народные политические школы были созданы при клубах и библиотеках Ферганской области. Затем их почин распространился на местные промышленные предприятия, стройки, хлопководческие бригады, животноводческие фермы. На занятиях народных политических школ глубоко изучались Директивы XXIV съезда КПСС. Их работа осуществлялась под руководством партийных, советских и других общественных организаций.

В 1971 г. в Ферганской области успешно действовали уже 2945 таких школ, с охватом свыше 108 тыс. человек⁵.

Славное начинание ферганцев получило одобрение партийных организаций республики. По примеру Ферганской области аналогичные школы были созданы во всех областях Узбекистана⁶.

В дальнейшем улучшении коммунистического воспитания масс большое значение имело постановление VII пленума ЦК КПУз «О дальнейшем улучшении коммунистического воспитания трудящихся и повышении их политической и трудовой активности в свете решений XXIV съезда КПСС»⁷. В частности, оно значительно активизировало работу клубных учреждений республики. Так, если в 1972 г. в клубах Министерства культуры УзССР состоялось 94 тыс. лекций и докладов, то в 1973 г. — более 96 тыс., организовано 95 тыс. культурно-массовых мероприятий, в которых приняло участие в общей сложности 15 млн. человек⁸.

Неуклонно повышалось также качество культурно-массовой работы. И в этом деле велика заслуга многотысячной армии пропагандистов и агитаторов. Только в

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 83.

² Там же, с. 278—279.

³ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1975 году. Статистический ежегодник. Ташкент, 1976, с. 396.

⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 278, д. 643, л. 4.

⁵ Там же, д. 704, л. 6.

⁶ Там же, л. 1.

⁷ «Правда Востока», 1972 г., 2 июля.

⁸ «Узбекистон маданияти», 1974 г., 22 апреля.

Куйбышевском районе г. Ташкента в работу по коммунистическому воспитанию масс включилось 2 тыс. пропагандистов.

Полезной формой работы культпросветучреждений явилось проведение «Ленинских пятниц», создававших условия для непосредственного общения руководителей партийных, советских, хозяйственных органов с трудящимися. В ходе их проведения от тружеников городов и сел республики поступило 652 критических замечания и предложения, из которых 555 были реализованы⁹. Только в Самаркандской области в мероприятиях, связанных с проведением «Ленинских пятниц», в 1972 г. приняли участие 72 970, а в 1974 г. — 137 427 человек¹⁰.

Культурно-просветительные учреждения развернули кипучую деятельность в связи с празднованием 50-летия УзССР и Компартии Узбекистана. В марте 1974 г. в Самарканде, Ташкенте, Нукусе состоялись зональные семинары-совещания работников культурно-просветительных учреждений республики, на которых были разработаны конкретные мероприятия по достойной встрече этой славной даты¹¹.

Этому вопросу было посвящено также специальное заседание бюро Наманганского обкома партии, прошедшее 16 мая 1974 г.¹² Руководствуясь его решениями, 274 клубных учреждения области¹³ провели большую работу по пропаганде достижений трудящихся республики за истекшие 50 лет. Активное участие в ней приняли различные кружки и коллективы художественной самодеятельности.

Поучительный опыт в этом направлении накоплен культурно-просветительными учреждениями Ферганской области. Так, в 1974 г. здесь появилась новая форма культурно-просветительной работы — проведение по месту жительства юбилейных мероприятий, называвшихся «Гулшан диер» («Цветущий край»). Инициатором начинания явился клуб № 2 г. Коканда¹⁴. По его почину коллективы художественной самодеятельности области повсеместно выступали с концертами, ставили новые спектакли.

В ходе подготовки и проведения юбилея появились новые коллективы художественной самодеятельности. Только в 1975 г. в городах и селах республики действовало 4576 кружков художественной самодеятельности, насчитывавших 74,6 тыс. участников¹⁵.

Культурно-просветительные учреждения республики под руководством партийных организаций оказывали всестороннюю помощь и в подъеме культуры тружеников села. К концу девятой пятилетки в сельской местности УзССР насчитывалось 2946 клубных учреждений, или на 134 клуба больше, чем в 1971 г.¹⁶

Велика роль библиотек в коммунистическом воспитании масс. В годы девятой пятилетки в республике был накоплен богатый опыт по организации библиотечной работы. Усилилось внимание к деятельности библиотек со стороны партийных и советских органов.

В частности, больших успехов добились библиотеки Самаркандской области. В 1971 г. их было 763, а книжный фонд насчитывал 4387 тыс. экз.¹⁷ Библиотеки использовали разнообразные формы работы по коммунистическому воспитанию трудящихся. Эти вопросы, например, обсуждались на семинаре-совещании библиотечных работников области, организованном по инициативе обкома партии¹⁸. Участники семинара-совещания обменялись опытом работы, определили очередные свои задачи. Только за апрель-май 1971 г. в библиотеках Самаркандской области прошли 220 читательских конференций, 810 громких чтоток, бесед, 530 лекций и докладов, оформлено 980 книжных выставок, организовано 1200 открытых книжных полок¹⁹.

Заслуживает внимания ценный опыт библиотек Учкурганского района Наманганской области, настойчиво добивавшихся доведения книг до каждой семьи, в результате чего значительно возросло число читателей и количество выданной литературы. Если в 1971 г. Учкурганская районная библиотека обслужила 1850 человек и выдала 12 552 экз. книг и журналов, то за 1972 г. число читателей достигло 2513, а книговыдача составила 16 890 экз.²⁰

Большая работа проведена также библиотеками Ташкентской области. Только за первые три года девятой пятилетки книжные фонды здесь возросли на 825 099 экз., а число читателей — на 59 725 человек. За это время книговыдача по области увеличилась на 970 953 экз.²¹

⁹ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 295, д. 297, л. 40.

¹⁰ Там же, д. 287, л. 29.

¹¹ Там же, оп. 291, д. 266, л. 1—2.

¹² Партархив Наманганского ОК КПУз, ф. 1, оп. 11, д. 49, л. 1.

¹³ См.: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1975 году, с. 297.

¹⁴ Архив Министерства культуры Узбекской ССР, ф. 2487, оп. 3, д. 3807, л. 14.

¹⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1975 году, с. 398.

¹⁶ Там же, с. 396.

¹⁷ Там же, с. 395.

¹⁸ Партархив Самаркандского ОК КПУз, ф. 31, оп. 8, д. 151, л. 86.

¹⁹ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 280, д. 715, л. 52.

²⁰ Архив Министерства культуры УзССР, ф. 2487, оп. 3, д. 3299, л. 54.

²¹ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 291, д. 329, л. 8.

Новым проявлением заботы партии и правительства об улучшении библиотечного дела стало постановление ЦК КПСС от 8 мая 1974 г. «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе». Оно обязало все партийные, советские органы, учреждения культуры «принять меры к коренному улучшению деятельности библиотек, повышению их роли как важных опорных баз партийных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся, идеологических и научно-информационных учреждений»²².

Одна из эффективных форм библиотечной деятельности — оказание помощи в проведении сельскохозяйственных кампаний. В разгар полевых работ во всех областях, районах республики силами библиотечных работников организовывались библиотеки-передвижки, выставки новых книг непосредственно на полевых станах и животноводческих фермах. Например, в колхозе «Гигант» Задарьинского района Наманганской области в период хлопкоуборочной кампании 1974 г. передвижные библиотеки функционировали на 24 полевых станах²³.

В работе библиотек активно участвовали широкие круги общественности. Только в 1974 г. в библиотеках системы профсоюзов республики 1820 общественников возглавляли работу библиотек-передвижек.

Общественный Совет библиотеки им. Хуршида Багдадского района, например, состоял из 11 человек. Их силами был оборудован уголок атеиста, проводились вечера вопросов и ответов. Члены общественного Совета — представители самых различных профессий — постоянно помогали библиотечным работникам ориентироваться в поступающей специальной литературе. Данная библиотека оказывала систематическую методическую помощь другим 50 библиотекам района²⁴.

В результате постоянной заботы партийных, советских органов сеть библиотек в республике неуклонно расширялась.

Если в 1970 г. в Узбекистане насчитывалось 5708 библиотек с книжным фондом 30 694 тыс. экз., то в 1975 г. их число возросло до 6302, а количество книг — до 39 857 тыс. экз.²⁵

Таким образом, в годы девятой пятилетки деятельность всей системы культпросвета УзССР поднялась на качественно новую ступень, а в результате еще больше возросла их роль как массовых очагов культуры и коммунистического воспитания трудящихся.

А. Маврулов

²² КПСС в резолюциях и решениях партийных съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 11. М., 1978, с. 390.

²³ Партархив Наманганского ОК КПУз, ф. 245, оп. 1, д. 70, л. 177.

²⁴ «Сельская правда», 1975 г., 4 апреля.

²⁵ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 291, д. 329, л. 43.

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(Историко-правовой очерк)

Как известно, уже в довоенные годы в деле охраны материнства и детства в нашей стране были достигнуты значительные успехи. Так, в Узбекистане к 1941 г. функционировало 539 постоянных «бюджетных» яслей на 21 940 коек, 10 детских санаториев на 948 детей, 26 детских больниц, 780 детских садов, 214 женских и детских консультаций, имелись 2853 врачебные и акушерские койки для беременных женщин и рожениц¹.

Великая Отечественная война поставила перед органами управления охраной материнства и детства страны, в том числе Узбекистана, новые ответственные задачи. Особую заботу следовало проявить об эвакуированных детях, семьях фронтовиков.

Уже в октябре 1941 г. был создан Центральный детский эвакуопункт (ЦДЭ). Согласно Положению о нем, утвержденному 24 ноября 1941 г., на ЦДЭ возлагались прием, регистрация и устройство эвакуированных и беспризорных детей и подростков от 2 до 18 лет.

В декабре 1941 г. начинают функционировать республиканская, областные, городские и районные комиссии по оказанию помощи эвакуированным детям. В состав комиссий вошли представители партийных, комсомольских и профсоюзных органов, а также наркоматов здравоохранения и просвещения и их местных органов.

Существовавшие в республике учреждения охраны материнства и детства (учреждения «охматмладдета» или «декретные») оказались не в состоянии принять всех

¹ См.: Коммунистическая партия Узбекистана и работа среди женщин республики (1938—1958 гг.). Сборник документов и материалов. Ташкент, 1982, с. 241, 266.

эвакуированных детей и создать им нормальные условия жизни. Сеть их пришлось в срочном порядке расширять, укреплять ее материальную базу.

В целом за военные годы Узбекистан принял, устроил и обогрел душевным теплом около 200 тыс. эвакуированных детей, которым были предоставлены кров, питание, одежда, обувь, возможность учиться, медицинская помощь. Была организована сеть детских столовых. Детей брали на воспитание многие семьи и отдельные трудовые коллективы².

2 января 1942 г. состоялось собрание актива женщин Ташкента. С докладом об организации помощи эвакуированным детям выступили секретарь ЦК ЛКСМУз Сагатов и заместитель наркома просвещения УзССР Рачинская. Они говорили о широком общественном движении, охватившем всю республику. Тысячи жителей городов и сел просили передать им на воспитание детей, потерявших родителей. Женщины столицы Узбекистана собрали свыше 30 тыс. вещей для этих детей.

Выступивший на собрании первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Усман Юсупов указал конкретные пути оказания помощи эвакуированным детям со стороны предприятий, учреждений, колхозов и трудящихся республики.

Узбекистан, заявил на собрании писатель Алексей Толстой, стал пионером-зачинателем великого дела помощи детям, и его почин будет подхвачен другими республиками³.

Женщины Ташкента призвали всех тружениц Узбекистана проявить материнскую заботу об эвакуированных детях. В их обращении говорилось: «...Многие тысячи советских детей лишились крова, потеряли своих отцов, матерей. Многие тысячи детей из прифронтовых районов прибывают к нам в Узбекистан.

...Это наши советские дети. Мы обязаны заменить им матерей и отцов, согреть их материнской лаской и заботой.

...Наш священный долг — прийти на помощь государству и организовать широкую общественную помощь эвакуированным и беспризорным детям... Развернем в Узбекистане всенародное движение по оказанию общественной помощи эвакуированным и беспризорным детям. Пусть каждая семья рабочего, колхозника, служащего, интеллигента, пусть каждое предприятие, колхоз и совхоз примет деятельное участие в их устройстве и воспитании!»

Собрание обратилось к женщинам республики с призывом: «Не должно быть ни одного ребенка, который не нашел бы крова, заботы и материнской любви у нас в Узбекистане».

Газета «Правда Востока» сообщала 30 января 1942 г., что обращение женского актива Ташкента нашло самый широкий отклик среди трудящихся республики. Только в Бухарской области к этому времени поступило более 8300 заявлений граждан о желании взять на воспитание эвакуированных детей. В Бухаре с участием секретарей ЦК КП(б)Уз Мавлянова и Исманлова состоялось общегородское собрание женщин-активисток, на котором Саида Шарипова, заведующая Бухарским городским отделом народного образования, сделала доклад об оказании помощи эвакуированным детям. В частности, она отметила, что в области собрано 6890 предметов детской одежды и много денег. Собрание призвало всех женщин области усилить заботу об эвакуированных детях⁴.

23 января 1942 г. Совет Народных Комиссаров СССР вынес постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»⁵. 16 апреля Совпарком УзССР принял специальное постановление о реализации этого постановления СНК СССР⁶.

Правительство УзССР обязало НКВД республики централизовать учет всех детей, оставшихся без родителей, для чего к 20 апреля создать в Ташкенте Центральный детский справочный стол, а также справочные столы при кустовых адресных бюро во всех областных центрах и в Нукусе. На Центральный детский справочный стол возлагались розыск детей и переписка с родителями, проживавшими как в Узбекистане, так и за его пределами. НКВД поручалось также выделить в аппарате наркомата и его местных органах специальных работников по борьбе с детской безнадзорностью. Учет и розыск детей, оставшихся без родителей, в городах и районах возлагался на паспортные столы отделений милиции.

Совпарком УзССР обязал Наркомпрос и Наркомздрав республики и их органы, а также исполкомы местных Советов организовать учет и контроль за правильным осуществлением патронирования детей⁷.

² См.: Песин Я. Е. Развитие семейно-правовых гарантий прав женщин в Узбекистане. Ташкент, 1971, с. 94; Махмудова М. А., Мирзамухамедова М. А., Ялышева И. Т. Успехи в охране здоровья детей и женщин в Узбекской ССР за 50 лет.— «Медицинский журнал Узбекистана», 1967 (Юбилейный выпуск), с. 44, и др.

³ «Правда Востока», 1942 г., 4 января.

⁴ «Правда Востока», 1942 г., 30 января.

⁵ Коммунистическая партия Узбекистана и работа среди женщин..., с. 47.

⁶ Там же, с. 47—49.

⁷ Патронирование осуществлялось в порядке, установленном постановлением СНК УзССР от 15 сентября 1938 г. «О порядке и условиях передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся». См.: Систематическое собрание действующих законов УзССР, т. 1. Ташкент, 1938, с. 460—462.

Наркомпросу республики предлагалось, наряду с дальнейшим развертыванием бесплатного патронирования детей, выплачивать 50 руб. ежемесячного пособия лицам, принявшим детей на воспитание, за счет ассигнований по республиканскому бюджету на детские мероприятия. При установлении патроната или направлении на работу (старше 14 лет) дети обеспечивались приемниками-распределителями НКВД УзССР необходимой одеждой и обувью на сумму до 200 руб. на одного человека. Госплану республики были даны соответствующие указания об удовлетворении заявок НКВД. Народному комиссариату торговли давалось указание с 1 апреля 1942 г. включить 11 приемников-распределителей НКВД и централизованное снабжение продуктами питания.

Облисполкомы и СНК ККАССР должны были обеспечить все детдома системы Наркомпроса участками для подсобных хозяйств, а Наркомздрав — наладить регулярное медицинское обслуживание всех детдомов Наркомпроса, прикрепив их к амбулаториям и поликлиникам и закрепив за детдомами в лечебных учреждениях постоянных врачей для повседневного обслуживания и регулярного осмотра детей. Для медицинского обслуживания детприемников в их штаты было передано необходимое число медицинских работников из штатов НКЗ.

При областных, городских и районных исполкомах создавались комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, в составе зам. председателя исполкома и председателей комитетов профсоюзов, а также секретарей комитетов ЛКСМУз представителей НКВД, органов народного образования и здравоохранения. Эти комиссии могли использовать в своей работе аппарат соответствующих исполкомов местных Советов⁸.

В Узбекистане развернулось поистине всенародное движение за оказание помощи эвакуированным детям, семьям военнослужащих. В трудовых коллективах с большим подъемом проходили собрания по обсуждению этого процесса⁹.

Ташкентский обком КП(б)Уз, например, отмечал, что в области проводятся мероприятия по обследованию детей, оказанию им помощи и развертыванию колхозных детских учреждений, для чего в районы области посылаются специальные бригады из числа активистов — работников дошкольных учреждений Ташкента и Чирчика. К июлю 1944 г. в 301 колхозе было развернуто 722 детских учреждения с общим охватом 15 027 детей. Семьям военнослужащих оказывалась конкретная помощь: для них создавался продовольственный фонд, ремонтировались квартиры, собирались теплая одежда, обувь и т. п.¹⁰

Сурхандарьинский обком партии отмечал, что в области организованы пионерские лагеря и детплощадки, где отдыхают более 800 детей фронтовиков; во всех колхозах организованы бригадные ясли, что содействует росту трудовой дисциплины и выполнению норм колхозницами¹¹.

Огромная работа была проведена в Узбекистане по выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Заместитель наркома здравоохранения УзССР по детству С. Н. Юлдашева в статье «О расширении сети детских учреждений в Узбекской ССР» писала: «В трудных условиях Отечественной войны правительство, партия, советская общественность ни на минуту не ослабляли заботу о матери и ребенке. Указ от 8 июля значительно расширяет помощь Советского государства матери и ребенку. Нигде в мире, кроме как в советской стране, материнство не приравнено в такой степени к крупнейшим государственным и общественным заслугам, дающим право на медаль, орден и почетное звание»¹².

В июле 1944 г. в республике насчитывалось уже 253 детские консультации. В 19 детских поликлиниках детей обслуживали 145 врачей. Постоянная ясельная сеть в городах и селах охватывала почти 30 тыс. детей. На время полевых работ в 1944 г. было развернуто 10 563 яслей на 210 тыс. детей. В республике функционировало 156 молочных кухонь, выпускавших молочные смеси на 24 тыс. детей, причем 6500 пайков отпускалось бесплатно для детей фронтовиков и эвакуированных. При поликлиниках для ослабленных детей были организованы диетические столовые. С начала лета около 2500 детей ясельного возраста были вывезены на дачи. Ослабленные дети направлялись на санаторно-курортное лечение в климатические здравницы Узбекистана «Ореховая роща», «Газа», «Вуадиль», «Агалык», «Махаса» и др.¹³

⁸ Там же, с. 49.

⁹ См., напр., телеграмму Каракалпакского обкома партии в Женотдел ЦК КП(б)Уз о помощи семьям военнослужащих от 26 ноября 1943 г. — Коммунистическая партия Узбекистана и работа среди женщин..., с. 211; см. также с. 275 и др.

¹⁰ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 20, д. 994, л. 32—33.

¹¹ Там же, д. 996, л. 38.

¹² «Правда Востока», 1944 г., 23 июля.

¹³ Там же.

Ярким свидетельством заботы партии и Советского государства об охране материнства и детства явилось постановление ЦК КП(б)Уз и Совета Народных Комиссаров Узбекской ССР от 9—14 сентября 1944 г. «О мероприятиях по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.»¹⁴

Постановление обязывало Наркомат здравоохранения расширить ясельную сеть в совхозах и рабочих поселках на 1550 мест, к 10 октября 1944 г. полностью укомплектовать и развернуть кочечную сеть домов ребенка, установленную годовым народнохозяйственным планом, и, кроме того, организовать по одному Дому ребенка на 50 коек в Термезе, Нукусе, Ургенче. Увеличивалось число патронажных сестер на 226 человек, врачебных пунктов в сельских детских поликлиниках, детских санаториев, социально-правовых кабинетов. На базе научно-методических станций охраны материнства и детства при Наркомздраве УзССР создавалось два самостоятельных института: Институт охраны детства и Институт акушерства и гинекологии. В отдаленных от районных центров колхозах было решено организовать межколхозные акушерские пункты, а в городах и районных центрах при школах — детские комнаты для детей 7—8-летнего возраста.

Постановление обязывало НКЗ и НКП УзССР организовать во всех районных центрах курсы по подготовке и повышению квалификации ясельных и дошкольных работников, а в областных центрах — трехмесячные курсы по подготовке групповых инструкторов по дошкольному воспитанию (из расчета один инструктор на 10—15 колхозов).

Наркомат торговли УзССР получил указание выделить специальные продовольственные фонды для дополнительного (сверх установленных норм) снабжения беременных женщин и кормящих матерей, проживающих в городах и поселках городского типа. Наркоммясомолпром УзССР обязан был, согласно постановлению, полностью обеспечить молочными продуктами детские пищевые станции в городах. Ташкентская железная дорога выделяла специальные вагоны в пассажирских и пригородных поездах для женщин с детьми, а на узловых станциях — специальные залы ожиданий для них, организовывала медицинское обслуживание, компостирование билетов и посадку. Наркомсобес открыл дом отдыха для нуждающихся беременных женщин и для ослабленных кормящих матерей — жен инвалидов Отечественной войны.

Все эти мероприятия с учетом сложнейших условий военного времени трудно переоценить.

Постановление обязывало органы прокуратуры провести сплошную проверку своевременности и правильности установления и выплаты пособий исполкомами многодетным матерям в соответствии с Указом от 8 июля 1944 г. Всем наркоматам и директорам предприятий было рекомендовано организовать производство предметов детского обихода и взять шефство над учреждениями охраны материнства и детства. На всех промышленных предприятиях создавались комнаты для кормящих матерей.

Контроль за выполнением постановления возлагался на Народный комиссариат госконтроля УзССР¹⁵.

15 декабря 1944 г. бюро обкома КП(б)Уз и СНК Каракалпакской АССР приняли совместное постановление «О выполнении постановления СНК УзССР и ЦК КП(б)Уз от 14 сентября 1944 г. «О мероприятиях по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.»¹⁶ Наркомат здравоохранения ККАССР в соответствии с этим постановлением открыл в Нукусе Дом ребенка на 50 человек, ряд детских яслей в сельской местности сверх годового плана, пять дополнительных стрелско-фельдшерских филиалов при детских консультациях в городах, а также ряд других учреждений охраны материнства и младенчества сверх плана: социально-правовые кабинеты в Нукусе и Турткуле, межколхозные акушерские пункты, раздаточно-молочные пункты. В Нукусе был организован специальный магазин для продажи продовольственных и промышленных товаров для беременных женщин и кормящих матерей. В тот же день, 15 декабря 1944 г., Совнарком Узбекской ССР вынес специальное постановление «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей»¹⁷.

¹⁴ Коммунистическая партия Узбекистана и работа среди женщин..., с. 50—53.

¹⁵ Там же, с. 55.

¹⁶ Там же, с. 55—58.

¹⁷ Систематическое собрание действующего законодательства Узбекской ССР. Книга пятая. Ташкент, 1979, с. 388.

Как явствует из сообщения зам. наркома здравоохранения по детству С. Н. Юлдашевой («Правда Востока», 1944 г., 23 июля), уже к середине июля 1944 г. сеть детских яслей увеличилась в городах Узбекистана на 22%, в сельской местности — на 30%, сеть Домов ребенка — на 35%.

Между тем Х. З. Захидов писал, что за все годы войны в ясельной сети городов Узбекистана количество коек было увеличено на 22% (Захидов Х. З. Здравоохранение в Узбекистане за 25 лет. Ташкент, 1949, с. 40). Автор не приводит источника этих сведений, но ясно, что цифра эта занижена, ибо здесь не учтены данные на июль 1944 г. и последующее расширение сети яслей и рост ясельных коек после принятия постановления СНК УзССР от 15 декабря 1944 г.

В постановлении было уделено особое внимание снабжению детских учреждений продуктами питания, заготовкам для них овощей и фруктов. В соответствии с этим постановлением, партийные и советские органы республики проделали большую работу по расширению сети детских учреждений, улучшению их деятельности, совершенствованию всей системы медицинского и бытового обслуживания женщин и детей на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

К концу войны в Узбекистане насчитывалось 236 детских домов, в которых воспитывалось 30 тыс. детей против 12 тыс. в довоенный период. В детских садах число детей превысило 53 тыс., причем более 47 тыс. из них были детьми фронтовиков и эвакуированных¹⁸.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Узбекистан, с честью выполняя свой интернациональный долг перед братскими народами России, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Молдавии, оказал огромную помощь эвакуированным женщинам и детям, особенно семьям фронтовиков, что еще раз продемонстрировало монолитную сплоченность советского народа, великую силу социалистического гуманизма, братской дружбы народов СССР.

Р. Айтмуратова

¹⁸ Арипова Т. У. Актуальные вопросы социальной гигиены и очерки развития здравоохранения Самаркандской области. Ташкент, 1979, с. 91—92.

ИЗ ИСТОРИИ УЧАСТИЯ ТРУДОВОГО ДЕХКАНСТВА УЗБЕКИСТАНА В ПРОВЕДЕНИИ ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНОЙ РЕФОРМЫ 1925—1929 ГОДОВ

Одним из важнейших условий успешного решения аграрного вопроса в Узбекистане на основе коренного, социалистического переустройства сельского хозяйства явилось проведение земельно-водной реформы 1925—1929 гг.

Земельно-водная реформа отвечала кровным интересам трудового дехканства, и именно широкие народные массы выступили инициаторами проведения этого важнейшего мероприятия в социально-экономической жизни узбекского кишлака. В советские и партийные органы непрерывным потоком шли письма дехкан с жалобами на малоземелье и безземелье, засилие феодально-байских элементов в кишлаке.

Так, 12 июля 1925 г. в Наманганский уездный исполком обратились 27 безземельных батраков сел. Келячи Папской волости, просивших помочь им в получении земли¹.

С аналогичным требованием выступили безземельные и малоземельные дехкане Чимйонского района Маргиланского уезда². Вопрос о наделении землей неоднократно поднимался на волостных дехканских конференциях, собраниях союза «Кошчи», сессиях местных Советов.

Идя навстречу чаяниям сельской бедноты, Коммунистическая партия и Советы Узбекистана провели в 1924—1925 гг. ряд подготовительных работ. В частности, при активном участии батраков и чайрикеров на селе был проведен учет имеющихся земель, т. е. фактического состояния землевладения. Были сорваны попытки феодально-байских элементов скрыть от учета крупные земельные участки.

1 декабря 1925 г. состоялось первое заседание Чрезвычайной сессии ЦИК Советов УзССР. Открывая его, Председатель ЦИК УзССР Ю. Ахунбабаев подчеркнул, что созыв этой сессии «является выполнением воли трудового дехканства и рабочих УзССР для скорейшего оформления в законодательном порядке вопроса о земельной реформе»³. На сессии присутствовали представители батрачества и малоземельного дехканства, делегированные от различных уездов республики. Так, от лица сельской бедноты Самаркандского уезда выступил т. Ачильдиев, передавший пожелание трудового дехканства о скорейшем проведении земельной реформы и заявивший о готовности широких масс оказать Коммунистической партии и Советской власти всестороннюю помощь в осуществлении этого мероприятия⁴. Те же мысли высказали в своих приветствиях представители трудовых слоев кишлаков Джизакского, Ташкентского уездов, Ферганской области⁵.

2 декабря 1925 г. Чрезвычайная сессия ЦИК Советов УзССР приняла декреты «О национализации земли и воды» и «О земельно-водной реформе», которые с горячим одобрением были восприняты всем трудовым населением республики.

Разрабатывая конкретные пути осуществления реформы, партийная организация Узбекистана всесторонне изучала соответствующие предложения дехканских масс, советских и общественных организаций, членов союза «Кошчи». После тща-

¹ Ферганский облгосархив, ф. 127, оп. 1, д. 725, л. 12.

² Земельно-водная реформа в Средней Азии. Сборник материалов. М.—Л., 1927, с. 9.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 2396, л. 22.

⁴ Там же, л. 23.

⁵ Там же, л. 22—25.

тельной их проработки вопрос о земельно-водной реформе был поставлен на II съезде КП(б)Уз. Враги Советской власти, оппортунисты всех мастей пытались сорвать работу съезда. Однако благодаря возросшей социально-политической активности трудового дехканства, росту его классового самосознания все попытки оттолкнуть от партии бедняцко-средняцкие массы потерпели провал. Съезд дал решительный отпор оппозиционерам и принял решение начать непосредственное осуществление реформы с 1926 г., первоначально в Ферганской, Самаркандской и Ташкентской областях, где для этого сложились необходимые социально-экономические и политические предпосылки. Одним из важных факторов было наличие благоприятной политической обстановки, способствовавшей развитию социальной активности народных масс. Так, трудовые массы Ферганской области, наиболее пострадавшей от разгула басмаческих банд, проявляли высокую политическую сознательность и классовую ненависть к врагам Советской власти. Они не только активно боролись с феодально-байскими элементами в своей области, но и выражали горячее сочувствие жителям других районов республики, все еще подвергавшихся отдельным вылазкам басмачей. Так, андижанские батраки, бедняки и середняки в 1925 г. обратились в ЦИК Советов УзССР с требованием принятия самых решительных мер к басмачам, орудовавшим в Кашкадарьинской области. В их послании говорилось: «Правительство трудовых масс Узбекской Республики!

...Мы, ферганские дехкане, пережившие все ужасы басмачества, не находим слов, чтобы выразить всю силу протеста, все негодование и ненависть к головорезам, врагам трудового народа...

Только теперь, когда мы под руководством наших Советов освободились от басмачества, мы можем спокойно жить и строить свое хозяйство. Только теперь мы ховяева своего труда»⁶.

Возросшая сознательность масс способствовала тому, что в указанных областях партийный и советский аппарат был более выдержанным в классовом отношении, что также сыграло большую роль в успешном проведении земельно-водной реформы.

Осуществление реформы возглавила Центральная земельная комиссия, созданная при ЦИК Советов УзССР. На местах были организованы областные, окружные, районные, кишлачные комиссии. В Ферганской области, кроме того, были созданы еще 4 уездные комиссии.

К работам по учету земель наряду с сотрудниками Наркомзема были широко привлечены кишлачные таначчи⁷.

Трудовое дехканство с подъемом встречало прибытие земкомиссий на места. Их приезд сопровождался массовыми митингами, на которых сельская беднота заявляла о своем желании содействовать проведению земреформы. Наделение дехкан землей также сопровождалось многоялюдными митингами и демонстрациями.

В 1926 г. только в Кокандском, Андижанском, Наманганском и Маргиланском уездах было проведено 1080 дехканских собраний, посвященных вопросам земреформы.

1 февраля 1926 г. 3 тыс. батраков и чайрикеров Уйчинской волости в сопровождении середняков во главе с земельной комиссией прибыли в Наманган, чтобы выразить признательность Советской власти за полученную землю⁸.

Аналогичное выступление состоялось в Чартакском районе, где беднота, получившая землю, вышла на демонстрацию со знаменами. Массовые демонстрации прошли и в Кокандском уезде⁹.

Многоялюдный сход в поддержку земреформы собрался в Ханабадской волости. Батраки и чайрикеры прибыли на него с красными знаменами. В своих выступлениях они открыто разоблачали попытки баев помешать проведению реформы.

Активно участвовала в осуществлении реформы беднота Маргиланского уезда Ферганской области. Так, 18 дехкан из сел. Ойлаки оказывали деятельную помощь членам райземкомиссий.

Дехкане стремились добиться того, чтобы были учтены все нетрудовые хозяйства. Одновременно они проявляли бдительность при наделении земель, следя за тем, чтобы она досталась действительно нуждающимся.

Надо сказать, что середняки на первом этапе относились к реформе настороженно. Однако политика Советской власти, направленная на укрепление положения середняков, привлекла их на сторону земреформы, и они стали активно участвовать в конфискации земель светских и духовных феодалов.

В Ташкентской области, как и в Ферганской, проведению реформы предшествовала большая агитационная работа. Воодушевленная предстоящими преобразованиями беднота зачастую сама выступала инициатором проведения демонстраций и митингов в поддержку реформе.

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 2441, л. 2—4.

⁷ Аминова Р. Х. Аграрные преобразования в Узбекистане накануне сплошной коллективизации (1925—1929 гг.). Ташкент, 1969, с. 73.

⁸ Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926). Сборник документов. Ташкент, 1964, с. 266.

⁹ «Правда Востока», 1925 г., 30 октября.

Огромную помощь в работе организованных в Ташкентской области земкомиссий оказывал кишлачный актив — ячейки или группы содействия. Иногда в актив входило до 800 человек. Так было, например, в Тойтубинской волости. В Дальварзинской волости была создана одна волостная ячейка, куда вошли представители от всех кишлаков.

Группы содействия помогали комиссиям получать правильные сведения о размерах землевладения и вести учет всех нетрудовых хозяйств. Так, в кишлаке Кибрай на общем собрании было объявлено об изъятии у бая Уразалиева 64,2 дес. земли, 4 лошадей, 10 быков, 5 омачей, одного плуга европейского типа, веялки и 4 арб. Это имущество было распределено между батраками, работавшими у бая¹⁰. Аналогичные собрания проходили почти в каждом кишлаке.

С помощью бедняцкого актива было выявлено, например, в Тойтубинской волости 7 ранее не учтенных байских хозяйств, в Букинской — 14, в Аккурганской — 5 и т. д.

Кишлачные ячейки устанавливали и контингент нуждающихся в земле. Так, в Пскенте 92 человека подали заявления о наделении землей. После проверки в списке было оставлено лишь 45, ибо остальные оказались деклассированными элементами.

В Самаркандской области райземкомиссии, в состав которых вошел 181 человек, развернули широкую разъяснительную работу на совещаниях, пленумах, среди членов союза «Кошчи», на собраниях дехкан в клубах и красных чайханах. Наиболее зрелые в политическом отношении представители дехкан вошли в комиссии содействия. В кишлаке Заамин Джизакского уезда дехкане по своей инициативе провели митинг под лозунгом «Даешь землю и воду».

Большую работу по проведению земреформы развернули комсомольцы Араванбуриной волости. Они организовали многочисленные митинги и собрания, привлекали на свою сторону несоюзную молодежь, разоблачали попытки классово чуждых элементов сорвать ход реформы.

В результате активного участия широких дехканских масс в целом по трем областям УзССР в земельный фонд, предназначенный для распределения среди бедноты, поступило 185 947,6 десятины.

В знак благодарности Коммунистической партии за полученную землю и воду представители дехканской бедноты преподнесли Акмалю Икрамову урак и кетмень.

Состоявшийся в марте 1926 г. Пленум Средазбюро ЦК ВКП(б) еще раз подчеркнул, что залог успеха в проведении реформы состоит «только в правильной партийной линии, только в тесной связи с рабочим классом и массами кишлачно-аульной бедноты, только в умении закрепить союз с середняком».

Успешное завершение реформы в Ферганской, Ташкентской и Самаркандской областях позволило приступить к проведению ее в Зарафшанской области. Декрет о земельно-водной реформе в Зарафшанской области был опубликован 26 декабря 1926 г. Сразу же после этого ЦК КП(б)Уз обратился ко всем трудящимся области и отдельно — к кооперативным объединениям, комсомольским организациям и союзу «Кошчи» — с призывом оказать реформе всемерное содействие. В Зарафшанский обком партии было направлено письмо, в котором разъяснялось, что в связи с поздней советизацией области здесь особую остроту приобретает борьба за укрепление кишлачных партийных, советских и комсомольских организаций и союза «Кошчи»¹¹.

При проведении реформы в Зарафшанской области из трудового актива кишлака было создано 587 ячеек содействия, куда вошли 9760 чайриkerов и батраков¹². Районными комиссиями было проведено 814 кишлачных сходов с охватом 124 800 человек. Кроме того, состоялись многочисленные женские собрания¹³.

Беднейшие слои дехканства области радостно восприняли приезд представителей земкомиссий. Так, в кишлаках Джумабазар, Тамга, Калабазар и многих других им устроили торжественную встречу¹⁴.

III съезд КП Узбекистана (ноябрь 1927 г.), дав глубокий анализ хода земельной реформы, отметил, что благодаря ей «активность бедняка и батрака небывало поднялась», что «земельная реформа явилась тем вопросом, вокруг которого удалось сплотить все бедняцкие слои кишлака». Опираясь на возросшую активность масс, съезд счел «необходимым ликвидацию помещичьих хозяйств в тех областях, где земельная реформа не проведена»¹⁵.

1 ноября 1928 г. Президиум ЦИК Советов Узбекской ССР принял декрет «О ликвидации крупного нетрудового землевладения в Кашкадарьинском и Сурхандарьинском округах УзССР»¹⁶.

¹⁰ «Правда Востока», 1926 г., 12 января.

¹¹ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974, с. 248.

¹² «Правда Востока», 1927 г., 27 января.

¹³ Там же.

¹⁴ Бухарский облгосархив, ф. 9, оп. 2, д. 1, л. 15.

¹⁵ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и постановлениях съездов Ташкент, 1968, с. 18.

¹⁶ «Правда Востока», 1928 г., 19 ноября.

Среди населения этих округов была развернута большая агитационно-пропагандистская, разъяснительная работа, которую вели опытные партийные и советские кадры¹⁷. При проведении реформы партия учитывала специфические условия этих округов, вызванные их общей экономической, политической, культурной отсталостью.

По решению ЦК КП(б)Уз и правительства республики в указанных округах было проведено статистико-экономическое обследование сельского хозяйства. Большую помощь в его осуществлении оказали группы содействия, избранные на общедехканских собраниях. К аграрным преобразованиям на местах были привлечены партийные и советские активисты, члены союзов «Қошчи», «Рабземлес» и других общественных организаций, десятки тысяч дехкан. Они активно участвовали в работе земельных комиссий, помогали создавать группы содействия реформе, выявляли скрываемые баями земли и т. п.

Земельно-водная реформа в указанных областях завершилась в начале 1929 г., т. е. уже в условиях начинавшейся коллективизации сельского хозяйства. Большинство земель, полученных дехканами в ходе реформы, вошло в состав колхозов. Только в Кашкадарьинском округе было организовано 1842 колхоза¹⁸.

В целом в процессе земельной реформы 1925—1929 гг. в Узбекистане было ликвидировано 1857 помещичьих и нетрудовых хозяйств; изъяты излишки земли у 9415 хозяйств; 94 551 батрацко-бедняцкое хозяйство получили 231,9 тыс. дес. поливных земель, большое количество инвентаря и скота. Изменялась социальная структура кишлака, резко уменьшилось число бедняков и батраков и возросло число середняков. К концу реформы они составили соответственно 37,6 и 61% сельского населения. Удельный вес байско-кулацких хозяйств уменьшился до 1,4%¹⁹.

Таким образом, проведенная под руководством Коммунистической партии и при активном участии самих дехканских масс земельно-водная реформа явилась важным революционно-демократическим мероприятием, которое положительно сказалось на развитии сельского хозяйства, укрепило экономику землеустроенных хозяйств, повысило классовое самосознание и политическую активность деревенской бедноты и середняков, способствовало созданию необходимых условий для социалистического преобразования узбекского кишлака.

А. Ю. Зиямухамедов

¹⁷ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 3, д. 78, л. 181, 241.

¹⁸ Там же, ф. 209, оп. 2, д. 778, л. 12.

¹⁹ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана, с. 250.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОССУАРИИ ИЗ ЮЖНОГО СОГДА

В 1965 г. в Узкишлаке Яккабагского района Кашкадарьинской области во время земляных работ был разрушен оссуарный некрополь. Два извлеченных из него и совершенно идентичных оссуария (один с костными останками взрослого человека, другой — с костями ребенка) были взяты школой им. Куйбышева пос. Яккабаг. В 1976 г., во время работ КАТЭ, они были переданы на кафедру археологии ТашГУ. После реставрации один из оссуариев возвращен школе.

Оссуарии вылеплены из хорошо отмученной глины с примесью шамота. С внешней стороны они покрыты розоватым ангобом; в изломе черепок красного цвета. Форма подпрямоугольная (55×24×32 см), стенки наклонены внутрь и закруглены в углах, сверху переходят в овалово-сферический купол, где предполагается овальное отверстие. Крышка не сохранилась. Вероятно, она плотно прилегалась к корпусу, ибо первоначально составляла единое целое с куполом и была срезана ножом до обжига. По стенкам оссуариев, ниже купола, проходит опоясывающий лепной жгут с защипами и следами вдавлений от пальцев. По углам расположены налепы в виде трехчетвертных колонок (д=3,5—2,4 см). В их верхней части имеются отверстия (д=0,5—0,6 см), очевидно, для стержней, на которых укреплялся балдахин (оссуарий с таким балдахином изображен на Бартымском блюде)¹.

На каждой из стенок описываемых оссуариев имеются вдавленные изображения. Вполне возможно, что они были нанесены на сырую глину с уже готового изделия с четырехфигурным рельефным рисунком, которое и послужило своего рода колыбом. На длинных стенках оссуариев штамп этот оттиснут полностью, а на боковых — сцена механически поделена пополам: первая и вторая фигуры помещены на одной боковой стенке, а третья и четвертая — на другой.

Композиция изображает сцену ритуального танца под музыку. Фигуры танцовщиц очень стройные, изысканно изогнутые, черты лица не обозначены. У всех трех женщин — по две длинные косы. Их одежда — длинный халат с левосторонним треугольным отворотом, подпоясанный в талии; узкие, длинные рукава его собраны в драпирующиеся складки.

¹ Рапорт Ю. А. Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г. — СА, 1962, № 2, с. 150.

Первая фигура (в — 18,5 см) — танцовщица. Пола халата откинута, видна обнаженная подогнутая босая нога. Правая рука поднята, левая, согнутая в локте, находится внизу; кистями рук танцовщица поддерживает плавно развивающийся шарф.

Вторая фигура (в — 19 см) — также танцовщица. Она боса. В разрезе халата почти полностью видна обнаженная правая нога, поставленная на пуант. Правая рука вытянута вверх, левая опущена. Шарф перекинут через плечи и ниспадает утяжеленными складками. Между обеими танцовщицами, у их ног, помещен либо плод граната, либо лежащий кувшин.

Третья фигура (в — 19,7 см) представляет музыканта с угловой арфой в руках. Поза его спокойна, уверена. Разворот головы мужествен, талия слегка занижена, плечи широкие, без плавных закруглений. Халат без отворота, с большим глубоким вырезом. Видна правая рука, пальцами которой музыкант перебирает струны арфы. В заполнении между ним и второй танцовщицей, внизу, — пятилепестковый цветок на небольшой веточке.

Четвертая фигура (в — 18 см) — танцовщица. Левая пола халата откинута назад, видна обнаженная босая нога, поставленная на пуант. Правая рука опущена, через кисть переброшен небольшой венок, прямая левая рука поднята вверх. Между головами третьей и четвертой фигур изображен какой-то вытянутый, расширяющийся кверху предмет с тремя зубчиками, вероятно, бутон цветка. Пространство по обеим сторонам композиции заполнено косыми рядами треугольников.

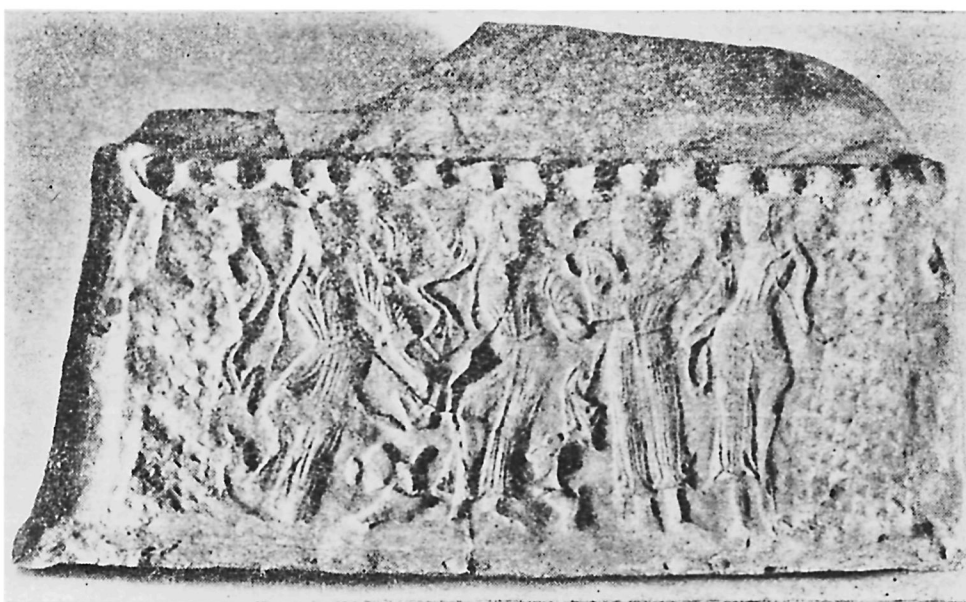

Рис. 1. Оссуарий из Узкишлака. Общий вид.

Вся композиция, представляющая сцену ритуальной пляски, очевидно, каким-то образом связана с погребальной обрядностью. Данный сюжет может быть последовательно расшифрован таким образом: впереди выступает женщина с венком в руке, которая как бы открывает этот своеобразный праздник. Вполне возможно, что она даже не участвует в общей пляске, ибо у нее нет шарфа — обязательного атрибута восточной танцовщицы, да и музыкант стоит к ней спиной, повернувшись в пол-оборота к двум другим женщинам, чтобы видеть их танец. Динамику быстрых движений танцовщиц хорошо передают развевающиеся косы, изящно изгибающийся шарф. Цветы и треугольники в заполнениях — распространенный сюжет орнамента доисламской Средней Азии. Очевидно, они относятся к числу культовых атрибутов местной богини плодородия². Легкие, не бытовые костюмы, специфичные атрибуты указывают на то, что перед нами — женщины, облеченные особыми функциями. Это — жрицы, участницы культового действия, связанные друг с другом единством совершаемого ритуала.

Изображения на оссуариях еще раз подтверждают известный вывод об особом, среднеазиатском, варианте зороастризма, сохранившем ряд архаических черт и уxo-

² Пугаченкова Г. А. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках древнего Согда. — «Известия отдела общественных наук АН ТаджССР», т. 2, Сталинабад, 1952, с. 52; Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л., 1969, с. 34; Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. — В сб.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента, М., 1959, с. 99.

дящем своими корнями в местные первобытные верования. Подобное изображение танцовщиц и сцены ритуальной пляски на оссуариях встречено впервые.

Известно, что в Средней Азии существовал обряд поклонения останкам умерших. Эта церемония, судя по изображению цветов и плодов, видимо, происходила весной и осенью, что позволяет предположить связь с земледельческим культом. Об этих празднествах, восходящих к древнейшему культу фравашей и культу предков, писал в X в. Абу Райхан Беруни. Персы во время фервердаджана, который отмечался в конце месяца Абан-Мах (февраль) и длился еще в течение пяти дней, следовавших за ним и дополнявших год (андаргах), когда «души мертвых посещают своих жен, детей и близких и участвуют в их делах, ...ставили кушанья в наусы мертвецов, а напитки — на крыши домов»³. Конец фервердаджана некогда знаменовал приход весны, и тогда «время было подобно мертвецу воскресающему, а люди поклонялись солнцу и веселились»⁴.

Обряды в честь фравашей, совершавшиеся накануне весеннего равноденствия, давно сопоставлены с бытовавшими у многих народов жертвоприношениями умершим в момент вешнего возрождения природы. Считалось, что умершие, которые в эти дни нуждались в поддержке живых, впоследствии отблагодарят их, обеспечат им помощь хтонических сил в достижении плодородия⁵.

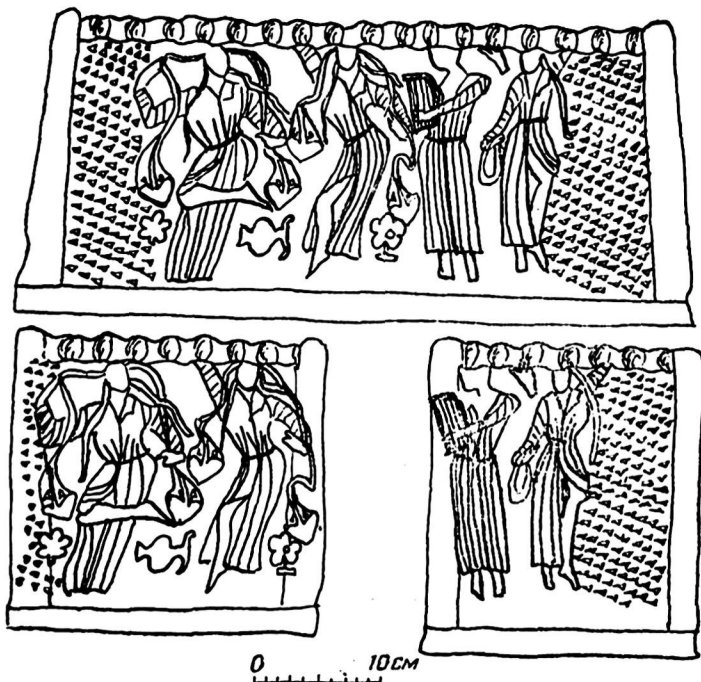

Рис. 2. Прорисовка изображения на оссуарии.

Следует отметить, что значительное количество среднеазиатских костехранилищ закопано прямо в землю, без наусов, что противоречит каноническому зороастризму. Данное противоречие многие авторы связывают с существованием в раннесредневековой Средней Азии культа Сиявуша — божества, олицетворявшего умирающую и воскресающую природу. Так, в Хорезме и Согде время и ритуал праздника в честь умерших совпадали с обрядами этого культа⁶. В соответствии с ним, кости погребались в землю, как зерна. Например, у каракалпаков долгое время сохранялось представление о том, что «с концом света умершие всех времен вырастут из земли, как побеги молодой травы»⁷.

Вероятнее всего, изображения на узкишлакских оссуариях также связаны с культом Сиявуша. Поскольку обряд проходил, видимо, уже после наступления нового года, можно полагать, что он символизировал торжество весны, возвращение предков и носил скорее радостный, чем траурный характер.

В согдийском маздеизме значительную роль играли женщины — служительницы культа. Нераспустившийся бутон, цветы, плод граната (?) позволяют считать, что

³ Абу Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений. — Избранные произведения, т. 1, Ташкент, 1957, с. 236.

⁴ Там же.

⁵ Рапопорт Ю. А. Из истории религий древнего Хорезма. М., 1971, с. 115.

⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 202; Дьяконов М. М. Образ Сиявуша в средневековой мифологии. — КСИИМК, XI, М., 1951, с. 34.

⁷ Рапопорт Ю. А. Из истории религий древнего Хорезма, с. 115.

танцовщицы, изображённые на оссуариях,—это жрицы, исполняющие ритуальный танец, связанный с культами предков, умирающей и воскресающей природы и плодородия. Эти праздники приходились на грань старого и нового года и совпадали с днем весеннего равноденствия. Ритуал должен был содействовать оживлению природы и обеспечению плодородия в течение всего года.

Ритуальные погребальные танцы до недавнего времени сохранялись у многих народов Средней Азии: язгулемцев, горных таджиков, кафиров Гиндукуша⁸.

Некоторые аналогии изображению танцовщиц на узкишлакских оссуариях дает рисунок на серебряных «сасанидских» кувшинчиках, датируемых VI—VII вв. (Государственный Эрмитаж). На них изображена культовая пляска жриц в прозрачных одеждах, с развевающимися шарфами и предметами зороастрийского культа в руках, среди которых есть и плоды граната⁹. Прослеживается сходство также с изображением на бронзовой ажурной пластине VI—VII вв. из городища Тойтюбе (древний Нукет), на которой уплощенным рельефом изображена стройная женская фигура с шарфом, очевидно, в момент ритуального танца¹⁰. Аналогией могут послужить и изображения жриц на бия-найманских оссуариях, которые, по мнению Г. А. Пугаченковой, являются участниками мистериального действия, связанного с захоронением останков Сиявуша¹¹.

Необходимо отметить, что для искусства Среднего Востока вообще характерен художественный образ танцовщицы с шарфом. Однако одежда персонажей на узкишлакских оссуариях (длинные халаты) не имеет аналогий в других изображениях ни в эпоху античности, ни в раннем средневековье. В этом проявилась какая-то местная особенность одевания жриц.

По форме оссуарии из Узкишлака наиболее близки к оссуариям VI—VII вв. из некрополя древнего Тараза с налепными фигурами фравашей-охранителей на стенках¹² и оссуарию из Тойтюбе (долина Ахангарана)¹³.

При просмотре археолого-топографической карты Яккабагского района выяснилось, что в самом Узкишлаке и на расстоянии 2—5 км от него имеется ряд археологических памятников (Узтепа, Хусан, Джангаль, Чечак, Кучкар, Хартур и др.) с ярко выраженным раннесредневековым слоем.

Искусствоведческий анализ приведенного материала в сочетании с археологическими данными и материалами исторических источников позволяет датировать оссуарии с изображением ритуального танца эпохой раннего средневековья.

Г. Я. Дресвянская

⁸ Кисляков Н. А. Язгулемцы (Этнографический очерк).—«Известия Всесоюзного географического общества», т. 70, вып. 4, М., 1948, с. 370; Андреев М. С. К характеристике древних таджикских семейных отношений.—«Известия Таджикского филиала АН СССР», 1949, № 15, с. 4; Робертсон Д. С. Кефиры Гиндукуша. Ташкент, 1906, с. 291, 297.

⁹ Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 44—47.

¹⁰ Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, с. 52.

¹¹ Пугаченкова Г. А. Некоторые изобразительные сюжеты..., с. 56.

¹² Ремпель Л. И. Некрополь древнего Тараза.—КСИИМК, 69, М.—Л., 1967, с. 103.

¹³ Массон М. Е. Ахангеран..., с. 29.

ОССУАРИИ ИЗ МУЛЛАКУРГАНА

В июне 1976 г. в Самаркандский государственный музей истории культуры и искусства УзССР им. А. Икрамова поступило сообщение, что при строительных работах в кишлаке Муллакурбан Акдарьинского района Самаркандской области, на тепа Муллакурбан, обнаружены три оссуария и два глиняных сосуда.

К приезду сотрудников Музея холм был уже снесен почти до основания, сохранился лишь останец (3×2×1 м)¹. По всей его длине четко прослеживалась пахсовая кладка.

При обследовании отвалов и близлежащей территории не было обнаружено ни одного черепка. Из находок, о которых было сообщено в Музей, один оссуарий и два глиняных сосуда оказались сильно разбитыми и выброшенными в отвалы. Найти их не удалось. Таким образом, сохранилось лишь два оссуария из Муллакурбана.

¹ По словам бульдозериста К. А. Васильева, до разрушения тепа было округлым, имело до 30 м в диаметре. Высота его достигала примерно 4 м. Оссуарии были найдены на глубине около 1,5 м от поверхности холма. Они стояли в ряд: в центре — прямоугольный с пирамидальной крышкой, по бокам — два овальных оссуария с глиняными сосудами.

Надо сказать, что в 1975 г. в этой же местности, в 500 м на юго-восток от Муллакурмана, было уничтожено еще одно тѣла, на месте которого ныне стоит откормочная база. Здесь во время земляных работ также были найдены оссуарии, из которых удалось сохранить лишь один. Это — детский овальный оссуарий, сделанный из хорошо обожженной глины (18×30×24 см). Лицевая стенка украшена процарапанным орнаментом в виде крестов на фоне вдавленных пальцем овальных углублений. По краю — наклепная волнообразная лента.

Из сохранившихся двух оссуариев с Муллакурмана один, овальный (29×59×34 см), оказался разбитым. Он сделан из обожженной глины, черепок в изломе розовый. Лицевая стенка украшена процарапанным цветочным узором. По краю — наклепная волнообразная лента.

Второй оссуарий² — прямоугольный (52×25×34 см), с пирамидальной крышкой (46×20×39 см) — сохранился полностью (рис. 1). Он сделан из хорошо обожженной глины, черепок в изломе розовый. Общая высота оссуария с крышкой — 73 см. На внутренней стороне, вверху, выступает полочка для крышки (ш — 2,5 см). По бокам крышки, в нижней части, сделано по одному круглому сквозному отверстию (д=2 см). Все стенки крышки и самого оссуария изготовлены отдельно и соединены между собой при помощи глиняных валиков. Четыре стенки оссуария и крышка украшены рельефными изображениями. Стенки увенчаны ступенчатыми (два-четыре уступа) и треугольными зубцами. Рельефные изображения выполнены оттиском с двух одностворчатых матриц. Одна из них — прямоугольная — использовалась для украшения оссуария, а другая — треугольная — крышки. На узких боковых стенках и крышке оттиснута лишь часть рисунка.

Рис. 1. Общий вид оссуария из Муллакурмана.

Рельефная композиция на стенках оссуария представляет собой тройную аркаду. В боковых арках изображены люди, а в центральной — жертвенник с огнем. Архивольты арок украшены перлами, тимпаны — изображением половинны четырехлепестковой розетки. Полуциркульные арки опираются на колонны, ствол которых сужается кверху. Колонны завершаются конусовидными капителями и опираются на шар — «яблоко» и сложную базу, состоящую из тонкой плиты и трапециевидного основания.

Высокий ступенчатый алтарь с огнем, изображенный в центральной арке, состоит из трех частей. Верхняя часть — трехступенчатая, суженная кверху. Из нее вырываются семь языков пламени. Вытянутая средняя часть, оформленная узкой арочкой, опирается на четырехступенчатое основание, суженное кверху. Из второй плиты, снизу основания, с двух сторон как бы вырастают два трилистника.

В боковых арках расположены две мужские фигуры, обращенные лицом к алтарю. Торсы развернуты в фас, лица даны в три четверти оборота, ноги — в профиль.

Одежда состоит из рубахи с длинными рукавами и округлой горловиной. Ткань тонкая, на груди, коленях и рукавах драпируется мелкими складками в виде полумесяцев. На ногах облегające сапожки. Лица обрамлены короткими волосами и окладистыми курчавыми бородами. Нижние части лиц прикрыты повязками, абрисом напоминающими лезвие алебарды. Черты лиц стерты.

Персонаж слева стоит на слегка согнутых ногах, в правой руке его большие щипцы. Левая рука с вытянутым указательным пальцем согнута в локте и приподнята вверх в жесте адорации. От талии, прикрытой правой рукой, спускаются один короткий и два длинных ремешка (или шнура) с кистями на концах. Слева на талии — округлая выпуклость (деталь поясного набора?).

Правый мужчина изображен сидящим на пятках. В обеих руках, согнутых в локтях и чуть приподнятых, на уровне плеч, он держит два одинаковых предмета в виде сдвоенных палочек (?). На талии — пояс с двумя округлыми выпуклыми де-

² Самаркандский государственный музей истории, культуры и искусства УзССР им. А. Икрамова, инв. № А—436-1.

талями по бокам, как у фигуры слева. От пояса также спускается ремешок (или шнур) с кистью.

На узких боковых стенках оссуария оттиснута только часть изображений. Персонаж слева — на левой стороне, персонаж справа — на правой.

На крышке оссуария изображены в полный рост две женские фигуры в одинаковых позах, обращенные лицом друг к другу. Торс их показан в фас, лица и широко расставленные ноги повернуты в профиль. Левая рука левой фигуры и правая рука правой фигуры опущены вниз и держат ветви: у одной — трилистник на длинном стебле, у другой — ветвь типа пальмовой. Свободные руки обеих фигур подняты над головой, а их указательные пальцы вытянуты в жесте адорации, в направлении друг к другу. Одежда состоит из свободных шаровар, низ которых образует фестончатые складки, и рубах (?) с овальным вырезом и длинными рукавами. Тонкая ткань драпируется мелкими складками в виде полумесяцев, подчеркивая формы чуть ожиревшего тела. На ногах облегające сапожки с загнутыми вверх длинными носами. У правой фигуры с локтя поднятой вверх руки спускается короткий шарф (?), изображенный в виде трилистника. У фигуры слева над головой — три больших перла, у правой — три менее крупных перла в полумесяцах.

Изображения лиц схематичны и грубы. Прически невысокие, украшены лентами, спускающимися с висков. У женщины слева волосы изображены короткими штрихами, у женщины справа — одним, а на затылке — двумя рядками мелких буколек. У ног между фигурами расположена половина цветка с пятью лепестками, над головами — растение в виде трех перлов с отходящими в стороны усиками (виноградная лоза с плодами?). Еще выше, у вершины крышки, — семилепестковая розетка в большом полумесяце.

На обеих боковых узких стенках крышки оттиснута только правая фигура женщины.

Все изображения на Муллакурганском оссуарии явно носят культовый характер, связанный, очевидно, с погребальными обрядами, на что указывает само назначение предмета. Изображения мужских фигур перед алтарем с возжженным огнем известны в монументальной живописи Согде VII — начала VIII в. н. э., в росписях Пенджикентского храма³, дворца бухар-худатов в Варахше⁴. Однако в них, в отличие от сцены на Муллакурганском оссуарии, обряд совершается одним жрецом.

Различаются также алтари. На оссуарии жертвенник близок изображениям на раннесасанидских монетах⁵, некоторых монетах бухар-худатов⁶, на оссуарии из Бия-Наймана⁷, а также — рисунку на цокольной части жертвенника из Варахши⁸.

На Муллакурганском оссуарии жрецы изображены с явными признаками различия выполняемых ими функций: у правой фигуры — сдвоенные палочки (?), у левой — большие шипцы. Неслучайно, видимо, и отличие в деталях пояса, характеризующих, возможно, разницу рангов жрецов. Нижние части лиц прикрыты повязками, очевидно, чтобы не осквернить дыханием священный огонь, ибо во всех случаях ношение повязки связано с присутствием высокопоставленного лица, либо священного объекта. Такие повязки на лицах известны по росписям Афраснаба⁹ и произведениям торевтики VI—VII вв.¹⁰

Сцена, изображенная на крышке оссуария, в произведениях восточно-иранской торевтики V—VIII вв.¹¹ известна как культовая. Представленные в ней жрицы со священными растениями и другими атрибутами в руках совершают, видимо, определенные обряды. Женские фигуры, как правило, изображались в полный рост, в прозрачных одеяниях¹¹.

На оссуарии из Муллакургана обращает на себя внимание то, что в изображении женщин подчеркнута разница в атрибутах, прическах, а главное — в эмблемах над головой. Над правой фигурой — символы луны в виде трех перлов в полумесяцах, над левой — символы солнца: три более крупных перла.

Сцена с женскими персонажами, несомненно, связана с почитанием небесных светил, культ которых был широко распространен в Согде VI—VIII вв. н. э.¹²

Обе фигуры как бы переплетены символами растительного мира, олицетворяющими плодородие земли: ветви, цветок, виноградная гроздь с лозой (?). Возможно,

³ Живопись древнего Пенджикента. М., 1959, табл. VII.

⁴ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963, табл. XIV.

⁵ Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 155.

⁶ Шишкин В. А. Указ. соч., с. 232.

⁷ См.: Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960, рис. 57.

⁸ Шишкин В. А. Указ. соч., рис. 76.

⁹ Альбаум Л. И. Живопись Афраснаба. Ташкент, 1975, рис. 12, деталь 5, реконструкция фигур 11, 12.

¹⁰ Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, № 16.

¹¹ См.: Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909, № 88, 288; Орбели И. А., Тревер К. В. Указ. соч., № 24—27; Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1974, с. 163, 164, 174, и др.

¹² Беленицкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. — В кн.: Скульптура и живопись Пенджикента, М., 1959, с. 30.

что в сцене, изображенной на оссуарии и связанной с погребальными культурами, эта символика выражает идею возрождения жизни.

Женщины, изображенные на крышке оссуария, по всей видимости,— жрицы, отправляющие культ основных небесных светил (солнца и луны), связанный с идеей возрождения жизни.

Не случайна, видимо, и двухчастность общей композиции. Изображение у священного огня представляет собой, возможно, один из моментов заупокойной литургии. Обращает на себя внимание и то, что «верх» и «низ» оссуария как бы связаны числом 7. Вверху семизначны лепестки растительной розетки в полумесяце, внизу — языки пламени, плиты жертвенника.

Оссуарии, схожие с муллакурганскими, известны в Центральном Согде, в районе Мианкаля, в частности в Бия-Наймане¹³, Иштыхане¹⁴, а также в Чаче — древнем Паркенде¹⁵.

Интересно, что тип оссуариев, найденных в районе Мианкаля, расположенного близ Самарканда, в столице Согда не известен, тогда как он встречен в отдаленной от Мианкаля области — Чаче. Это наталкивает на мысль о том, что, возможно, в данной местности жила какая-то община со своими, отличными от других районов Согда религиозными правилами.

Что касается датировки Муллакурганского оссуария, то он сходен с бия-найманскими и иштыханскими по форме, способу орнаментации, общей композиции и ряду деталей, характерных для искусства Средней Азии раннесредневекового периода. К ним относятся украшение архивольта арок перлами, типы колонн, ступенчатые зубцы-мерлоны, венчающие стенки¹⁶.

Исследователи датируют бия-найманские и иштыханские оссуарии периодом VI—VII вв. К этому времени, видимо, следует отнести и оссуарий из Муллакургана.

Л. В. Павчинская

¹³ Кастальский Б. Н. Бия-Найманские оссуарии. Самарканд, 1908.

¹⁴ Пугаченкова Г. А. Иштыханский оссуарий. — «Общественные науки в Узбекистане», 1975, № 3, рис. 1.

¹⁵ Случайная находка, обнаруженная Ю. Ф. Буряковым — начальником Шаш-Илакского отряда Института археологии АН УзССР.

¹⁶ См.: Пугаченкова Г. А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. — В кн.: Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, т. II, Ташкент, 1950, с. 14 и след.; Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. — В сб.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента, М., 1959, с. 92 и след.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ТАШКЕНТА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Документальные источники играют важную роль в освещении исторического прошлого Ташкента. В частности, они проливают дополнительный свет на многие стороны социально-политической и экономической жизни города конца XIX — начала XX в. В фондах ЦГА УзССР и рукописохранилище Института востоковедения АН УзССР им. Абу Райхана Беруни имеется значительное число документов подобного рода. Многие из них до сих пор почти не использовались исследователями.

Из материалов Центрального государственного архива УзССР в этом плане представляют интерес: фонд 164, где наряду с документами более раннего периода, есть дела «Ташкентский кази калян» (1891—1901 гг.); фонд 362, содержащий, кроме прочего, «Документы съезда казиев города Ташкента» (1869—1916 гг.); фонд 363 — «Казия Беш-агачской части» г. Ташкента (1869—1916 гг.); фонд 364 — «Казия Кукчинской части» (1870—1924 гг.); фонд 365 — «Казия Сибзорской части» (1869—1924 гг.); фонд 366 — «Казия Шейхан-Тахурской части» г. Ташкента (1869—1923 гг.). Сведения о Ташкенте указанного периода содержатся и в некоторых других фондах ЦГА УзССР.

В рукописохранилище Института востоковедения среди материалов, освещающих прошлое Ташкента, следует отметить сборник «Тошкент шаҳрининг Қўкча даҳасининг қозиси Мулла Боймирза Қози ибн Мирзо Оғолиқни васиқаларини қайд қилув дафтари» («Документы Ташкентского кукчинского казиев муллы Боймирзы Казиев и Мирза Агалика»), датируемый 1887 г. Институт приобрел данный сборник в 1945 г. Он содержит 497 документов различного рода, составленных в канцелярии кукчинского казиев г. Ташкента. Среди них: бай-и бат — документы купли-продажи (окончательная сделка), бай-и джанз — закладные, хатт-и ибро — отказ от претензий, хатт-и икром — письмо о признании.

Сборник рукописный. Текст выполнен черными чернилами на хорошо сохранившейся русской писчей бумаге арабской графикой, почерком насталик. Большинство документов составлено на узбекском языке и лишь 30 — на персидско-таджикском.

Размер бумаги — 22×17 см. Документы сборника представляют собой копии экземпляров, занесенных в тетрадь-книгу, и скреплены печатью казья. С 1 по 158 документ внизу стоит печать «муллы Боймирзы Казы ибн Мирза Агалика», а со 159 по 497 — печать второго казья — «кази Кукча Абдуллахан ибн Мулла Бабаджана». Кроме того, на двух документах рядом с печатью казья Кукча Абдуллахана ибн Мулла Бабаджана состоит печать казья «Мухаммад Каримбек Дума ибн Зойидбая». В сборнике всего 499 печатей.

Документы содержат ценный материал о землевладении, купле-продаже земель, жилых строений и другого недвижимого имущества, а также о разделе имущества и наследства. Особенно интересны документы, характеризующие процесс концентрации богатств в руках отдельных феодалов (например, Салимбая ибн Рахимбая из махалли Қаллахона Кукчинской дахе) и обнищания бедных слоев населения, вынужденных в уплату за долги распродавать все свое имущество.

Интересны сведения и о топонимике Ташкента. Многие из названий улиц, ранее относившихся к Кукчинской дахе, теперь вышли из употребления и называются по-иному. Так, нынешний квартал Ц-25 — это частично упоминаемая в документах махалля Лангар, а частично — бывшие улицы Айрилиш, Катта Хауз; квартал Ц-27 включает в себя часть бывшей махалли Лангар и улицу Абу Назыр. Прежняя махалля Чагатай — ныне проспект Фараби; Беш Қарағач, Назарбек — современные массивы Бирлик и Октябрь. Некоторые топонимы, встречающиеся в документах, употребляются и сейчас (например, Кукча, Аклан, Шопайзи-Кулак, Ак-тепа (Кукчинский), Қаллахона, Джар-арык, Баг-куча и др.).

Некоторые названия местностей отражали род занятий населения. Так, в махалле Куччилик (кожевники) жители занимались выделкой кожи и изготовлением изделий из нее и т. д.

Приведем ряд документов, наиболее характерных в топонимическом отношении.

Васика-йи бай-и бат (инв. № 6361, док. 32). Запродажная Ахун-джана, сына Якуб-джана из махалли Лангар, продавшего от своего имени и от имени Айма-биби, а также от имени своего брата Хаким-джана 5/7 участка земли, где имеются фруктовые деревья (расположен в местности Кундалик Ура, западная часть его составляет 36 газов, восточная — 37, с Туркестанской стороны — 91, а с Ходжентской — 91 газ), и еще один участок земли, расположенный там же (на западе — 35 газов, на востоке — 34, с Туркестанской стороны — 6, с Ходжентской — 3 газа), Исхакабаю, сыну Карим-бека, за 10 тилля.

Хатти-и икром. Признание Базор-джан-биби, дочери Рахим-бая, жены Нияз-ака, в том, что участок земли с посевами клевера, размером примерно в 1 танаб, находящийся за Ташкентом, в местности Каракамыш, и 1 каркасный дом, расположенный в Ташкенте, в махалле Чакор-Чигатай, действительно являются собственностью ее сына Икрам-бая, и она не имеет к нему никаких претензий.

Васика-йи-бай-и салим. Запродажная Абул-Матлаба и Салих-бая, сыновей Рузи-бая, из махалли Сакбан, продавших мулле Мухаммад Расулу мингбаши, сыну Рахманджан-бая, 1 батман хлопка (семенного) за 13 руб., с условием доставить его Мулле Мухаммад Расулу мингбаши через 10 месяцев на своем транспорте.

В целом Ташкентский (кукчинский) сборник документов имеет важное значение для углубленного изучения многих сторон социально-экономической жизни Ташкента XIX в., занятий населения, его быта и т. д., а также для исследования эволюции среднеазиатской дипломатики и терминологии.

М. Юнусходжаева, У. Мирисмаилова

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МИХАЛЕВА Г. А. ТОРГОВЫЕ И ПОСОЛЬСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ СО СРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ХАНСТВАМИ ЧЕРЕЗ ОРЕНБУРГ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

(Ташкент, «Фан» УзССР, 1982, 92 с.)

Как известно, период второй половины XVIII — первой половины XIX в. имел весьма важное значение в истории русско-среднеазиатских экономических и политических отношений, изучение которых представляет большой интерес для исторической науки. В этой связи надо приветствовать выход в свет работы Г. А. Михалева, подробно освещающей торговые и посольские связи между Россией и среднеазиатскими ханствами через Оренбург.

Книга написана с позиций марксистско-ленинской методологии, с широким использованием архивных источников, дореволюционной и советской литературы по исследуемой теме.

Автор убедительно показывает, что «основание Оренбурга сыграло большую роль в оживлении дипломатических отношений России со среднеазиатскими ханствами... Оренбургской администрацией решался широкий круг дипломатических вопросов, например, об оказании военной помощи Бухаре, о возвращении русских пленных, об

урегулировании пошлин» (с. 87). На основе анализа большого количества архивных материалов автор приходит к правильному выводу, что «основной задачей дипломатических посольств с обеих сторон в тот период являлось заключение торговых договоров», причем подчеркивает, что для русско-среднеазиатских связей до первой половины XIX в. было характерно отсутствие долгосрочных соглашений (с. 11).

Как показано в работе, во второй половине XVIII — первой половине XIX в. среднеазиатские купцы получали от торговли с Россией немалые прибыли, хотя торговый баланс почти всегда был не в их пользу. «Это зависело, — поясняет Г. А. Михалева, — от следующих обстоятельств: во-первых, среднеазиатские купцы свои товары в Оренбурге не продавали, а только обменивали на российские товары; во-вторых, сюда из центра России доставлялись для обмена главным образом те товары, которые не пользовались спросом во внутренних городах России» (с. 53).

В специальной главе посвященной русско-среднеазиатским дипломатическим связям, проанализированы цели многих дипломатических миссий, дана общая характеристика хивинских, бухарских, туркменских посольств в Россию.

Вместе с тем хотелось бы отметить некоторые недостатки рецензируемой публикации.

Так, не все работы советских авторов, имеющие отношение к теме, вошли в орбиту исследования, что несколько обеднило работу.

В книге упомянут ряд договоров между Россией, Бухарой и Кокандом, однако зачастую не указываются даты их заключения и читатель лишь иногда может догадываться о них, исходя из контекста. Не все договоры получили развернутый анализ на страницах рецензируемой работы. В крайнем случае можно было привести тексты этих договоров или извлечения из них в качестве приложения. Ведь именно в договорах находили наглядное отражение состояние торговых и дипломатических отношений государства, их реальные интересы, взаимные компромиссы и т. п. Если же автору не удалось отыскать тексты этих договоров, то это, видимо, следовало отметить в тексте либо в подстрочном примечании.

Кроме того, представляется целесообразным более подробное освещение гарантий неприкосновенности послов.

Досадно также, что книга вышла в свет без оглавления.

В целом же автору удалось написать добротное исследование, дающее достоверную характеристику и научно обоснованную оценку торговых и посольских связей России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург в период, предшествовавший присоединению Средней Азии к Российскому государству.

М. А. Сарсембаев

ХРОНИКА

ОБЪЕДИНЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПРОБЛЕМНОГО СОВЕТА ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА АН СССР И ОРГКОМИТЕТА ПО ПРОВЕДЕНИЮ ЮБИЛЕЯ 2000-ЛЕТИЯ ТАШКЕНТА АН УзССР

7 декабря 1982 г. в Ташкенте прошло объединенное заседание проблемного Совета по археологии Средней Азии и Казахстана АН СССР и Оргкомитета по проведению юбилея 2000-летия Ташкента АН УзССР, посвященное научному обоснованию 2000-летнего возраста города. Оно сопровождалось выставкой, подготовленной Институтом археологии АН УзССР и демонстрировавшей археологические материалы и находки, обосновывающие возраст городской культуры и развитие города в античную и средневековую эпохи.

В совещании приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, среднеазиатских республик и Казахстана. Были заслушаны и широко обсуждены три основных доклада: заведующего Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, члена-корр. АН ТуркмССР В. М. Массона — «Вопросы урбанизации в Средней Азии и Казахстане»; начальника Ташкентской экспедиции Института археологии АН УзССР, канд. ист. наук М. И. Филанович — «Зарождение города и развитие городской культуры Ташкента в свете археологических данных»; докторов ист. наук К. Ш. Шаниязова и Б. А. Ахмедова — «Письменные источники о возрасте города Ташкента».

В. М. Массон остановился на трех основных аспектах изучения историко-культурных регионов и городских пунктов Средней Азии: 1) город как таковой; 2) система городов в оазисах и регионе; 3) понятие процесса урбанизации и применение его методологических категорий к изучению Ташкентского историко-культурного региона, особенно исторических процессов в котором определяются расположением в так называемой зоне контактов оседлоземледельческих и скотоводческих культур. Он осветил также роль современных методов системного изучения городов в регионах, с успехом применяемого в Туркмении и Узбекистане, в частности в Ташкентском регионе (древнем Чаче).

Вместе с тем в докладе была отмечена еще недостаточная разработанность типологии городов, требующая большой фактологической базы.

М. И. Филанович на основе обобщения результатов археологического изучения Ташкента изложила вытекающие из них научные представления о времени зарождения на его территории городской культуры, возникновении и динамике развития первого древнегородского центра, а затем города. При этом было подчеркнуто, что скудость письменных известий о ранних этапах истории Ташкента делает археологические материалы основным фактологическим базисом для их освещения.

Ташкентские древности и археологические памятники благодаря изысканиям многих поколений краеведов и археологов, особенно усилившимся после землетрясения 1966 г., в частности, благодаря широким работам, проводившимся АН УзССР в последние годы, оказались достаточно изученными. Их совокупность, а также материалы смежных с археологией наук — гидрогеологии, геоморфологии, палеопочвоведения, антропологии — позволяют составить убедительную картину сложения Ташкентского ирригационного микрооазиса с разветвленной гидросетью и его культурного освоения древними земледельцами около 2500 лет назад с последующим динамичным развитием урбанизации и древнегородского центра.

Выявленный на городище Шаштепа, в южной части современного города, на ар. Джун, комплекс оседлоземледельческой культуры бургулюкского типа, датированный VI—IV вв. до н. э., характеризует древнейший земляночный поселок оседлых жителей на территории Ташкента, в хозяйстве которых земледелие, основанное на примитивном методе орошения, сочеталось с отгонным скотоводством и домашними видами ремесла — гончарством, металлургией, ткачеством, обработкой камня.

Изучение городища Шаштепа показало также, что со II—I вв. до н. э. здесь оформился первый пункт с элементами раннего города. Комплексы общественно-культурного назначения, подобно раскопанному на центральном бугре Шаштепа, свойственны начальному этапу урбанизации, что свидетельствует о наличии этого процесса на территории Ташкента и оазиса уже в первые века до н. э.

К признакам, характеризующим раннегородской организм, кроме оборонительных сооружений, развития архитектуры самого типа поселения, определяемого как «город-храм», ремесла с товарным оттенком, относится и торговый обмен с сопредельными областями. Для первых веков н. э. на Шаштепа обнаружены привозные изделия (в частности, ритон из слоновой кости парфянского происхождения), которые не только стали доказательством довольно широкой торговли, но и позволяют ставить вопрос о прохождении через территорию Ташкента ответвления «Великого торгового пути» — главной торговой магистрали древнего мира, соединявшей Рим с Китаем.

Некоторые находки (костяной стиль) дают возможность предположить наличие и такого признака городской культуры, как письменность.

В первые века н. э. севернее Шаштепа, по водной системе Салара и Карасу, возникает ряд новых поселений, среди которых выделяется пункт городского типа на городище Мингурюк. Его можно считать древнегородским ядром Ташкента (I — начало VIII в. н. э.). Расцвет этого города приходится на V — начало VIII в. н. э., о чем говорит археологический комплекс Мингурюка, свидетельствующий о довольно высоком развитии городской культуры, сложившейся при большом участии общесоюзных эталонов.

В это время была освоена почти вся территория Ташкентского микрооазиса вокруг Мингурюка. Степень изученности его археологических памятников позволяет предпринять попытку выявить типологию и внутреннюю структуру пунктов, составляющих округу раннефеодального города.

Выделяются укрепленные замки-кешки с поселениями; небольшие городки, окруженные стенами; крупные поселения, складывающиеся вокруг замков-кешков и идущие по пути формирования в город, но не обведенные стенами, и, наконец, обособленные храмовые комплексы.

Город на Мингурюке и его цветущая округа в первой половине VIII в. н. э. подверглись разрушению и пожарам, что можно рассматривать как следствие арабских вторжений в Чач.

Возрождение и дальнейшее развитие городского ядра связаны с перемещением его на 4,5 км к северо-западу от Мингурюка, в водную систему Бозсу, где под застройкой Ташкента XIX в. скрыто городище IX—XIII вв. Исследования подтверждают выдвинутое еще В. В. Бартольдом отождествление его с городом Бинкатом арабских источников — столицей Чача X—XII вв., которая, по данным Беруни и Махмуда Кашгарского, уже с конца X в. называлась Ташкентом, наряду со старым названием Чач или Шаш.

Результаты раскопок, отметила М. И. Филанович, убедительно показали, что расцвет этого города приходится на X—XII вв., а затем наступил спад городской жизни. XIV—XVI вв. знаменовали новый подъем городской жизни Ташкента и расширение его территории по сравнению с Бинкатом.

К. Ш. Шаниязов и **Б. А. Ахмедов** привели сведения письменных источников по истории Ташкента, свидетельства античных, арабских авторов, тюркских надписей о первых городах в Ташкентском оазисе. Изложены и соображения авторов о происхождении названия «Ташкент».

Был заслушан также ряд выступлений.

Е. Атагарьев (АН ТуркмССР) отметил, что раскопки городищ Шаштепа и Актепа, а также городища Канка в Ташкентской области производят большое впечатление и свидетельствуют о широком размахе и высоком уровне работ, развернутых АН УзССР в связи с юбилеем Ташкента. Представленные результаты исследований и датировка комплексов культур убедительно подтверждают возраст города.

Ю. Ф. Буряков (АН УзССР) дополнил данные археологического изучения Ташкента материалами раскопок всего оазиса. Системный анализ городов Ташкентского региона поры античности и средневековья убедительно показал, что очаг урбанизации на древнем этапе располагался на юге оазиса (городище Канка), а в первых веках до н. э. процесс развития городской культуры распространился на север, захватив территорию нынешнего Ташкента.

М. Р. Касымов (АН УзССР) подчеркнул необходимость не только расширить археологические исследования в Ташкенте и его регионе, но и придать им более комплексный характер, а также отметил целесообразность большего привлечения к участию в исследованиях специалистов смежных с археологией наук.

У. П. Пулатов (АН ТаджССР) указал, что продемонстрированные результаты археологического исследования составляют бесспорную фактологическую основу для научного обоснования возраста Ташкента. Убедительная стратиграфическая колонка Шаштепа и синхронизация ее с уровнями комплексов других объектов Ташкента позволяют представить картину последовательного развития городской жизни на территории Ташкента.

В выступлении **М. Юнусходжаевой** (АН УзССР) также отмечены убедительность материалов раскопок, обосновывающих возраст города, и их научная аргументация. Была высказана мысль о необходимости изучения топонимики, в частности Ташкента, на основе документов второй половины XIX в., хранящихся в ЦГА УзССР и рукописохранилище Института востоковедения АН УзССР.

Г. А. Пугаченкова (Институт искусствознания им. Хамзы) в качестве практической подготовки к юбилею отметила необходимость НПУ охраны памятников Министерства культуры УзССР усилить работы по консервации основных памятников, подтверждающих 2000-летний возраст города.

Р. Г. Мукминова (АН УзССР) выразила надежду, что настоящее обсуждение станет стимулом для дальнейшего изучения не только археологических памятников, но и письменных источников, освещающих средневековый и позднесредневековый период истории Ташкента.

Т. К. Ходжайов (АН УзССР) дополнил данные археологических исследований сведениями об антропологическом типе населения Ташкентского оазиса и его изменениях на протяжении столетий. Данные антропологии о том, что с середины I тыс. до н. э. население этого региона было смешанным и обнаруживало связи с Нижней Сырдарьей, Ферганой, югом Средней Азии, убедительно подтверждают выводы археологии о смешении культур и направлении инноваций, приведших к сложению этнокультурной каунчинской общности, центром формирования которой был Ташкентский оазис.

В раннем средневековье разновидность антропологических типов ступшевывается, уменьшается процент монголоидности.

А. Ахмедов (АН УзССР) рассказал о результатах проделанного им сопоставления координат Ташкента, приведенных у разных авторов в разновременных письменных источниках, и подчеркнул, что они совпадают с выводами археологов о том, что с течением времени местонахождение ядра города смешалось в пределах микрооазиса.

Совещание прошло на высоком научном и методологическом уровне. Собранные пришли к единому выводу о том, что результаты изучения памятников материнской культуры и письменных источников убедительно доказывают более чем двухтысячелетний возраст городской культуры Ташкента.

Можно считать установленным, что начальный этап урбанизации в Ташкентском оазисе (Чаче) восходит к первым векам до н. э. На территории Ташкента прослежена эволюция от поселения ранних земледельцев VI—IV вв. до н. э. к городскому пункту.

Первый пункт раннегородского характера сложился во II—I вв. до н. э. — городище Шаштепа на ар. Джун — и был типологически близок городу-храму древневосточных цивилизаций, обладая рядом выявленных на сегодняшний день городских признаков: ремеслом, развитой архитектурой, обороноспособностью, обменной торговлей, а начиная с первых веков н. э., видимо, и письменностью.

Интенсивный этап урбанизации Ташкента приходится на первые века н. э., когда на протоке Салар сложилось городское ядро, обладавшее всеми признаками города, и начала формироваться городская округа.

Развитие Ташкента демонстрирует закономерность, присущую восточным городам вообще: с веками основное городское ядро перемещалось из одной водной системы в другую, по мере их ирригационного освоения:

- 1) раннегородской пункт II—I вв. до н. э. — на протоке Джун;
- 2) древнее городское ядро I — первой половины VIII в. н. э. — на протоке Салар;
- 3) средневековый город IX — начала XIII и XIV—XIX вв. — по водной системе

Боссу;

4) современный город — полностью микроазис со всеми протоками.

Результаты археологических исследований в Ташкенте, уточняящие периодизацию бургулюкской и каунчинской археологических культур, поднимают их разработку на новую ступень, в связи с чем рекомендуется созвать специальное научное совещание по проблеме культуры Каунчи как устойчивому комплексу, оказавшему влияние на сложение других, в частности эталонного сарддийского комплекса.

Указав на несомненную эффективность творческого взаимодействия археологов, востоковедов, антропологов, лингвистов, геоморфологов и др., совещание рекомендовало и впредь расширять комплексность исследований по Ташкенту. Необходимо продолжить широкие археологические исследования в городе и регионе, в том числе культур отдаленных эпох — палеолита, мезолита, неолита; усилить поиски и изучение письменных источников по истории Ташкента, обратив особое внимание на исследование исторической географии, древнего звучания топонимических терминов.

Учитывая большое воспитательное значение результатов научных исследований по истории столицы Узбекистана, объединенное совещание признало целесообразным шире развернуть работу по популяризации и пропаганде этих научных достижений в целях патристического воспитания масс.

А. Р. Мухамеджанов.

АКАДЕМИК ИГНАТИЙ ЮЛИАНОВИЧ КРАЧКОВСКИЙ

(К 100-летию со дня рождения)

Выдающийся советский востоковед, арабист с мировым именем академик Игнатий Юлианович Крачковский, чье 100-летие отмечается в этом году советской и мировой научной общественностью, родился 16 марта 1883 г. в г. Вильно (Вильнюс). Его отец, Юлиан Фомич Крачковский, был видным деятелем народного просвещения, директором Учительского института.

В 1901 г. И. Ю. Крачковский, окончив с золотой медалью гимназию в г. Вильно, поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, который успешно окончил в 1905 г. Его ближайшими учителями были академики В. Р. Розен и В. В. Бартольд, а также крупные арабисты А. Э. Шмидт, Н. А. Медников, иранист В. А. Жуковский и др. По окончании университета И. Ю. Крачковский был оставлен на кафедре арабской словесности для совершенствования научных знаний и подготовки к профессорской деятельности.

С июля 1908 г. по июль 1910 г. И. Ю. Крачковский находился в научной командировке в Сирии, Ливане, Египте, где он слушал лекции по истории арабской литературы, науки и культуры крупнейших местных и зарубежных ученых, как Л. Шейхо, Г. Лямменс, К. Наллино и др. Там же он знакомится и сближается с передовыми деятелями арабской культуры.

По возвращении на родину И. Ю. Крачковский в 1910 г. назначается приват-доцентом Петербургского университета, в 1917 г. — доцентом, а в 1921 г. — профессором. В последней должности он и проработал в Ленинградском государственном университете до конца своей жизни, возглавляя кафедру арабской филологии.

В 1915 г. И. Ю. Крачковский защитил диссертацию на степень магистра (ныне — кандидата) наук, посвященную творчеству средневекового арабского поэта Абу-л-Фараджа ал-Ва'ва ад-Димишки. В 1921 г. за совокупность научных исследований ему без защиты диссертации была присуждена степень доктора наук.

После победы Октября И. Ю. Крачковский успешно совмещает плодотворную работу в университете с широкой научной и научно-организационной деятельностью по линии Академии наук СССР. 9 ноября 1921 г. по представлению академиков В. В. Бартольда, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга и П. К. Коковцова он избирается действительным членом Академии. С 1922 по 1929 г. И. Ю. Крачковский возглавляет Отделение исторических наук и филологии (реорганизованное в 1927 г. в Отделение гуманитарных наук АН СССР). С 1916 г. и до конца своей жизни он заведовал Арабским кабинетом Азиатского музея (позднее ИВ АН СССР).

В годы Великой Отечественной войны, в тяжелых условиях блокады Ленинграда, И. Ю. Крачковский был назначен председателем Комиссии АН СССР по управлению ленинградскими академическими учреждениями. За самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады научных и культурных ценностей в институтах, музеях и библиотеках АН СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР 17 мая 1944 г. И. Ю. Крачковский был награжден орденом Ленина. Вторым орденом Ленина в 1945 г. были отмечены его заслуги в развитии советской науки в связи с 220-летием Академии наук СССР. За выдающуюся работу «Над арабскими рукописями» И. Ю. Крачковский был удостоен в 1951 г. Государственной премии СССР. Он был членом Совета Географического общества, одним из руководящих членов Палестинского общества, членом многих ученых Советов.

Скончался И. Ю. Крачковский в Ленинграде 24 января 1951 г. Он похоронен на Волковом кладбище, рядом с выдающимися деятелями отечественной науки и культуры.

И. Ю. Крачковский был арабистом самого широкого профиля. Им написано около 500 научных трудов, охватывающих все области арабистики. Он изучал историю арабской культуры с древнейших ее истоков, с первых веков н. э., вплоть до

наших дней. Он был глубоким знатоком и исследователем древнего классического и современного арабского литературного языка, а также ряда живых разговорных арабских диалектов. Важнейшими направлениями его научной деятельности было изучение арабской художественной литературы, как средневековой, так и современной, истории науки народов Ближнего, Среднего Востока, Средней Азии, особенно географии, изучение арабских рукописей и издание памятников арабской письменности, исследование литературных связей между народами нашей страны и Арабского Востока, истории отечественной и мировой арабистики. Им выполнен один из лучших в мире переводов Корана с арабского оригинала.

В области изучения средневековой арабской литературы выдающейся заслугой И. Ю. Крачковского является издание арабского текста, перевода и исследования фундаментального средневекового труда по арабской поэтике Ибн ал-Му'тазза «Книга о новом». Помнится, как в 1958 г. в Советском культурном центре в Каире (руководителем которого тогда был автор этих строк) отмечалось 75-летие со дня рождения И. Ю. Крачковского. Присутствовавший на заседании крупнейший египетский писатель и филолог Таха Хусейн в своем выступлении, в частности, сказал: «Мы, арабские ученые, не смогли издать этот ценнейший для нашей культуры памятник, и за нас это сделал наш русский коллега и друг Крачковский. За это ему от нас, арабских ученых, вечная благодарность».

И. Ю. Крачковскому принадлежит ряд выдающихся работ, посвященных творчеству крупнейших средневековых арабских поэтов, как ал-Ахтал, Зу-р-Румма, Абу-л-Атахия, ал-Бухтури, ал-Мутанабби, Абу-л-Ала ал-Ма'арри и др., а также глубокое комплексное исследование арабской поэзии в Испании.

И. Ю. Крачковский во всей европейской арабистике явился пионером изучения новой арабской литературы. В первой своей работе в этой области («Исторический роман в современной арабской литературе») он уделил особое внимание литературному творчеству выдающегося арабского романиста Джирджи Зейдана. Обобщающими фундаментальными трудами И. Ю. Крачковского являются «Новоарабская литература» (1935), «Арабская литература в XX веке» (1946), «Современные настроения арабской литературы в Египте» (1947). Ряд специальных работ И. Ю. Крачковский посвятил крупнейшим арабским писателям XIX—XX вв.

В годы Великой Отечественной войны И. Ю. Крачковский в своих публикациях высоко оценивал деятельность прогрессивного ливанского журнала «ат-Тарик», последовательно стоявшего на стороне антифашистского блока, переводил на русский язык стихотворения арабских поэтов, посвященные мужеству Красной Армии и советского народа.

Со многими арабскими писателями нашего времени И. Ю. Крачковского связывала личная дружба.

И. Ю. Крачковский явился основоположником актуального направления нашей арабистики — изучения литературных взаимосвязей между нашей страной и арабскими странами. Особо следует отметить его исследование «Горький и арабская литература» (1940), в котором он не только детально рассматривает процесс освоения арабскими литературными кругами наследия Горького, но и восточные сюжеты в произведениях самого Горького. Многие сделал И. Ю. Крачковский и для популяризации арабской литературы в нашей стране. Этому были посвящены и многие его статьи о творчестве средневековых и современных арабских литераторов, и его редакторское участие в переводе знаменитых сказок «1001 ночь», выполненном его учеником М. А. Салье, и его перевод на русский язык повести «Дни» самого крупного арабского писателя XX в. Таха Хусейна.

И. Ю. Крачковский проявлял глубокий интерес к истории науки народов средневекового Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии. До сих пор лучшей в мире остается его фундаментальная монография «Арабская географическая литература», посвященная истокам и развитию географии в этом регионе с древнейших времен до XVIII в.

Весомы заслуги И. Ю. Крачковского в области изучения истории культуры народов Средней Азии. Он показал основополагающую роль Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми (IX в.) в становлении географии как науки на Ближнем и Среднем Востоке и в Средней Азии; дал глубокую характеристику научного наследия крупнейшего астронома из Ферганы (IX в.) ал-Фергани; первым по заслугам оценил значение трудов Абу Райхана Беруни (XI в.) для истории географии на Востоке и опубликовал в своем переводе знаменитую теорию Беруни о расположении на земном шаре морей и океанов. Много ценных данных содержат труды И. Ю. Крачковского о заслугах перед наукой Востока бухарского географа X в. Джейхани, хорезмского энциклопедиста X в. Абу Абдаллаха ал-Хорезми, хорезмского же филолога и литератора XII в. Замахшари, мервского историка XII в. Сам'ани, знаменитого самаркандского астронома и математика XV в. Улугбека. Об истории героической борьбы тогда против арабских завоевателей свидетельствует расшифрованный и опубликованный И. Ю. Крачковским и В. А. Крачковской арабский документ, составленный около 718 г. и найденный археологами в 1933 г. на южном берегу Зарафшана.

И. Ю. Крачковский был выдающимся историком отечественной и зарубежной арабистики. В его трудах мы находим детальные сведения о жизни и деятельности таких арабистов, как Х. Д. Френ, О. И. Сенковский, В. Ю. Гиргас, В. Р. Розен, Н. А. Медников, А. Е. Крымский, А. Э. Шмидт, Я. С. Виленик, Н. В. Юшманов и многие другие. Ряд исследований он посвятил жизни, деятельности и научному наследию египетского ученого шейха Тантави.

Особо следует отметить замечательную мемуарную книгу И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями», глубоко научную по содержанию и высокохудожественную по форме. Выйдя впервые в свет в 1945 г., она затем неоднократно переиздавалась и переведена на ряд иностранных языков. В ней И. Ю. Крачковский подводит итог своей 40-летней научной деятельности, увлекательно рассказывает об арабских рукописях, своих открытиях, встречах с замечательными людьми.

Уже после смерти И. Ю. Крачковского вышла в свет его книга «Введение в эфиопскую филологию» (1955), где подробно изложена история изучения эфиопской филологии в нашей стране, на Западе, в арабских странах и в самой Эфиопии.

И. Ю. Крачковский успешно занимался и сабенстикой — наукой об истории и культуре Южной Аравии. Он первым в нашей стране расшифровал южноарабские надписи на двух бронзовых табличках и издал их текст. За это в 1931 г. на Международном конгрессе ориенталистов в Лейдене он был избран в состав комиссии по изучению и изданию памятников южноарабской письменности.

И. Ю. Крачковский был выдающимся педагогом. За свою многолетнюю работу в Ленинградском государственном университете он прочитал 30 общих и специальных курсов лекций, которые неизменно отражали новейшие достижения мировой арабистики.

И. Ю. Крачковский воспитал целую плеяду выдающихся советских арабистов. Среди его учеников были акад. Г. В. Церетели члены-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский, Н. В. Юшманов, Е. Э. Бертельс, профессора В. И. Беляев, И. Н. Винников, А. П. Ковалевский, А. П. Рифтин и многие другие. Учеником И. Ю. Крачковского является и автор этих строк.

И. Ю. Крачковский и его школа многое сделали для подготовки кадров и развития востоковедения в Узбекистане.

Например, в 1947—1949 гг. в Ленинграде под руководством А. Ю. Якубовского проходили научную стажировку ныне доктор ист. наук С. А. Азимджанова, канд. ист. наук Т. К. Кадырова. И. Ю. Крачковский высоко оценил открытие в 1950 г. У. И. Каримовым (ныне член-корр. АН УзССР) уникальной рукописи Абу Бакра а-Рази «Книга тайны тайн».

Учениками учеников И. Ю. Крачковского — В. И. Беляева и автора этих строк — являются ныне успешно работающие в научных учреждениях и вузах республики арабисты — доктор филол. наук И. Абдуллаев, кандидаты наук Б. Вахабова, А. С. Касым-Ходжаев, А. Г. Рауфова, Р. М. Ташмухамедова, И. Г. Фатеева, Р. У. Ходжаева.

Многогранная плодотворная деятельность И. Ю. Крачковского получила широкое мировое признание. В 1923 г. он избирается членом Арабской Академии наук в Дамаске, в 1934 г. — почетным членом Немецкого востоковедческого общества, в 1935 г. — почетным членом Ассоциации исламских исследований в Бомбее, в 1944 г. — почетным членом Иранской Академии наук, в 1946 г. — почетным членом Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, членом Польской и Фламандской (Бельгия) Академий наук, в 1947 г. — членом Азиатского института в Нью-Йорке. О широком международном признании выдающегося вклада И. Ю. Крачковского в развитие отечественной и мировой арабистики, в дело укрепления международных научных и культурных связей свидетельствует и решение научной общественности широко отметить в 1983 г. 100-летие со дня рождения И. Ю. Крачковского. Советские востоковеды встречают эту дату новыми трудами, продолжающими традиции, заложенные нашим выдающимся ученым.

П. Г. Булгаков

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА СУХАРЕВА (1903—1983)

23 января 1983 г. в Москве скончалась старейшая из ученых-этнографов Узбекистана, доктор исторических наук Ольга Александровна Сухарева.

О. А. Сухарева родилась 15 февраля 1903 г. в Самарканде. В 1925 г. окончила восточный факультет Среднеазиатского государственного университета (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина). Затем преподавала в учебных заведениях Ташкента и Самарканды: в 1926—1927 гг. — в женском Таджикском педагогическом техникуме, в 1930—1933 гг. — на Таджикских центральных педагогических курсах, в 1933—1934 гг. — на факультете языка и литературы Узбекского государственного университета. С 1934 г. — научный сотрудник Музея истории культуры узбекского народа (Самарканд) и по совместительству — преподаватель на исторических факультетах Педагогического института и УзГУ.

С 1946 г. Ольга Александровна стала старшим научным сотрудником, затем — заведующим сектором этнографии Института истории и археологии АН УзССР, а с 1968 г. — старшим научным сотрудником (консультантом) Института этнографии АН СССР.

На протяжении многих лет О. А. Сухарева вела полевой сбор этнографических материалов в Бухаре, Самарканде, Ура-Тюбе, Шахристане и др. В 1950 г. руководила отрядом Узбекской этнографической экспедиции.

В 1940 г. Ольга Александровна защитила кандидатскую диссертацию «Пережитки анимизма у равнинных таджиков», а в 1963 г. — докторскую «Позднефеодальный город Бухара XIX — начала XX в.»

Перу О. А. Сухаревой принадлежит большое количество публикаций по различным аспектам этнографии — генезису многих обычаев и культовых обрядов, истории ремесленного производства (в том числе художественных промыслов), о быте, пище, одежде народов Средней Азии и др. Совместно с М. А. Бикжановой она опубликовала книгу «Прошлое и настоящее селения Айкыран» (1955) — один из первых очерков о преобразовании жизни и быта колхозников Узбекистана. Она является также автором работ — «К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки» (1958), «Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность» (1962), «Бухара XIX — начала XX вв. (Позднефеодальный город и его население)» (1968), «Квартальная община позднефеодального города Бухары. В связи с историей кварталов» (1976). В своей совокупности они дают широкую историко-этнографическую характеристику Бухары и других городов Средней Азии (общественное устройство городской жизни, быт и занятия населения, ремесленное производство и др.).

Как бы завершающей обширный цикл историко-этнографических публикаций О. А. Сухаревой явилась ее недавно вышедшая в свет книга «История среднеазиатского костюма: Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.)» (М., 1982, 140 с.).

Под руководством О. А. Сухаревой защищено более 10 кандидатских диссертаций.

Ольга Александровна была участницей VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, нескольких научных сессий Института этнографии АН СССР, «Бартольдовских чтений» и других научных форумов.

Научные заслуги Ольги Александровны отмечены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и Почетными грамотами Президиумов Верховных Советов Узбекской и Таджикской ССР.

Светлая память об Ольге Александровне Сухаревой сохранится в наших сердцах. Ее кончина еще раз напоминает об остро назревшей необходимости более широкой подготовки молодых специалистов по этнографии Узбекистана и других республик Средней Азии, способных быть достойной сменой уходящего поколения исследователей.

*Э. Ю. Юсупов, М. К. Нурмухамедов,
Ю. В. Бромлей, С. И. Брук, К. Е. Житов,
С. К. Камалов, М. А. Ахунова, Р. Х. Аминова,
Т. А. Жданко, К. А. Акилов, Ф. А. Арипов,
Б. Аминов, И. Джаббаров, Х. З. Зияев,
Х. Ш. Иноятов, Б. В. Лукин, А. С. Морозова,
Р. Г. Мукминова, Г. Р. Рашидов, Т. Ташбаева,
Н. И. Тураров, К. Ш. Шаниязов и др.*

**УТВЕРЖДЕННЫЕ ТЕМЫ ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ
ПО ЮРИДИЧЕСКИМ НАУКАМ**

Докторские диссертации

1. Абдуалиев Х. М. (ТашГУ) — Конституционные основы компетенции союзных республик (По материалам УзССР).
2. Абдумаджидов Г. (ТВШ МВД СССР) — Предварительное расследование по законодательству СССР.
3. Абдуразаков С. К. (ТВПШ) — Проблемы совершенствования административно-территориального устройства союзной республики (По материалам Узбекской ССР).
4. Алиева Ш. А. (ИФП АН УзССР) — Основные теоретические проблемы возникновения и развития колхозного законодательства в Узбекистане.
5. Алимова Р. А. (ТашГУ) — Уголовно-правовая борьба с хищениями сельскохозяйственных продуктов.
6. Ахмадеев А. А. (ТВШ МВД СССР) — Развитие советского исправительно-трудового права в Узбекистане.
7. Ахунджанов Л. М. (ТашГУ) — Государственное строительство в Каракалпакской АССР в период социализма и строительства коммунизма.
8. Аюбов Т. А. (ИФП АН УзССР) — Развитие брачного законодательства УзССР и проблемы его совершенствования.
9. Блиндер Б. А. (ТашГУ) — Уголовно-правовые и криминологические проблемы охраны прав граждан в сфере торговли и бытового обслуживания.
10. Боуш Э. П. (ТВШ МВД СССР) — Гражданско-правовая защита собственности в СССР.
11. Быков В. М. (ТВШ МВД СССР) — Проблемы расследования групповых преступлений.
12. Жакипов Н. Ж. (ТашГУ) — Правовой режим водохозяйственных объектов.
13. Закиров И. Б. (ТашГУ) — Закономерности возникновения и развития гражданского права в период перехода к социализму.
14. Зарипов З. С. (ТВШ МВД СССР) — Система правовых мер профилактики правонарушений и основные условия ее эффективного функционирования.
15. Икрамова М. Г. (ТашГУ) — Уголовно-правовая борьба с наркотизмом.
16. Иногамов Ш. Х. (ИФП АН УзССР) — Проблемы повышения эффективности и совершенствования исправительно-трудового законодательства.
17. Исламов З. М. (ТашГУ) — Нормы общественных организаций и их взаимодействие с нормами социалистического права.
18. Кадыров А. К. (ТВШ МВД СССР) — Экономическая деятельность Советского многонационального государства.
19. Касымов А. (ТашГУ) — Теоретические проблемы правового положения общественных фондов колхозов.
20. Каямов Р. К. (ТВШ МВД СССР) — Теоретические и организационно-правовые проблемы деятельности Советов народных депутатов по обеспечению охраны общественного порядка.
21. Кочергина Т. В. (ТашГУ) — Правовое регулирование расчетов в сельском хозяйстве.
22. Магруфов А. А. (ТВШ МВД СССР) — Конституционно-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел союзной республики.
23. Мирбабаев Б. Ш. (ТашГУ) — Участие союзной республики в осуществлении компетенции Союза ССР в области управления промышленностью.
24. Миренский Б. А. (ТВШ МВД СССР) — Теоретические основы совершенствования советского уголовного законодательства.
25. Мукимов З. М. (СамГУ) — Образование и развитие организационно-правовых форм органов народного контроля в Узбекской ССР (1917—1980 гг.).
26. Полозов Г. В. (ИФП АН УзССР) — Правовые и организационные проблемы управления аграрно-промышленным хлопководческим комплексом.
27. Расулев А. А. (ИФП АН УзССР) — Борьба с групповой преступностью несо-

- вершеннолетних (Уголовно-правовое, криминологическое и психологическое исследование).
28. Сайфуллаев Ф. Х. (ТашГУ) — Социальная сущность гражданского права по шариату
 29. Самарходжаев Б. Х. (ТашГУ) — Правовой статус центральных органов государственного управления союзных республик.
 30. Стасько В. Н. (ТашГУ) — Организационно-правовые проблемы управления отраслями хозяйственного обслуживания населения.
 31. Умаров Т. У. (СамГУ) — Проблемы укрепления законности и совершенствования законодательства в области охраны общественного порядка.
 32. Хисамиев Н. Р. (ТЭТИС) — Междоисциплинарные и теоретические проблемы культуры социалистического правосудия.
 33. Чарьяров У. Ч. (ИФП АН УзССР) — Дальнейшее развитие и совершенствование Советского государства Узбекистана в период утверждения зрелого социализма.
 34. Шеметаев Қ. Ш. (ИФП АН УзССР) — Проблема взаимоотношений высших представительных органов власти СССР и союзных республик в условиях советской федерации.

Кандидатские диссертации

1. Абдивахидов Т. (СамГУ) — Становление и развитие уголовно-процессуального законодательства в УзССР (1924—1960 гг.).
2. Абдулкасымова С. У. (ИФП АН УзССР) — Правовое положение и развитие товарищеских судов в советском обществе (По материалам УзССР).
3. Аберкулов Ш. (Каракалпакский обком КПУз) — Ответственность за превышение власти или служебных полномочий по советскому уголовному праву (По материалам УзССР).
4. Авкарров М. А. (ТИНХ) — Пенсии по случаю потери кормильца.
5. Адылкариев Х. Т. (ТашГУ) — Стадии формирования законодательной инициативы.
6. Азимов Д. Қ. (Прокуратура Сурхандарьинской области) — Управление автомобильным транспортом в Узбекской ССР.
7. Аллугулов А. (УВД Ташгорисполкома) — Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с угоном автотранспорта, совершаемым несовершеннолетними (По материалам Узбекской ССР).
8. Аманов Р. А. (Хорезмский облсполком) — Организационно-правовые формы руководства местных Советов в области сельского хозяйства.
9. Анартаев И. (ТашГУ) — Гражданско-правовые проблемы сближения государственной и колхозно-кооперативной собственности
10. Артыкова А. А. (МСО УзССР) — Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, совершаемыми в состоянии аффекта.
11. Архангельская Е. Г. (ТашГУ) — Оценка результатов исследований и формирование выводов экспертом-криминалистом.
12. Ахмедов Д. Б. (ТашГУ) — Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения.
13. Ахмедов Ш. Г. (МВД УзССР) — Ответственность за ложные сообщения органам правосудия.
14. Ахмедшаева М. А. (ИФП АН УзССР) — Государственное управление культурой.
15. Ахраров Б. Д. (ТашГУ) — Уголовная ответственность за потраву и потерю хлопка.
16. Бакаева Ф. Х. (ИФП АН УзССР) — Организационно-правовые вопросы участия союзной республики во внешнеэкономической деятельности СССР (На материалах Узбекской ССР).
17. Бакунов П. (ТашГУ) — Уголовно-правовая борьба с приписками и другими искажениями отчетности о выполнении планов.
18. Бердиев Ш. Б. (ИФП АН УзССР) — Проблемы совершенствования законодательства и практики борьбы с хозяйственными преступлениями (По материалам УзССР).
19. Бойко Л. М. (ИФП АН УзССР) — Теоретические проблемы законодательной техники.
20. Вахабов А. А. (ИФП АН УзССР) — Координационная деятельность районных Советов в области социально-культурного строительства (На материалах УзССР).
21. Воробьева С. И. (ТашГУ) — Соотношение права и обычаев в зрелом социалистическом обществе.
22. Гайбов С. Г. (ИФП АН УзССР) — Организационно-правовые формы реализации наказов избирателей.
23. Галиева Д. А. (ИФП АН УзССР) — Правовое регулирование регистрации, заключения и расторжения брака (На материалах УзССР).
24. Гаппаров С. Г. (ИФП АН УзССР) — Единство и различие законодательства союзных республик.

25. Гасанов М. Ю. (ТашГУ) — Установление и изменение трудовой функции рабочих и служащих.
26. Гулямова Р. А. (ИФП АН УзССР) — Создание и деятельность Госплана Узбекской ССР в период строительства социализма.
27. Давранов Т. Д. (ИФП АН УзССР) — Проблемы совершенствования взаимодействия местных Советов и трудовых коллективов в области социального развития (На материалах г. Ташкента).
28. Дадамухамедова Х. (Прокуратура Чиназского района Ташкентской области) — Прокурорский надзор за вынесением судебных определений.
29. Данилов Ю. Г. (Узколхозстрой) — Дисциплинарное воздействие как средство укрепления трудовой дисциплины.
30. Джуманиязов С. (Прокуратура ККАССР) — Уголовно-правовая охрана равноправия женщин.
31. Джурабаев У. Д. (ТВШ МВД СССР) — Ответственность за взяточничество по УК УзССР.
32. Дзабаров А. Т. (ТВШ МВД СССР) — Конституционный принцип демократического централизма и его воплощение в деятельности органов внутренних дел.
33. Журавлев М. И. (ТВШ МВД СССР) — Процессуальные и тактические вопросы розыска скрывшихся обвиняемых.
34. Закутский А. С. (ТашГУ) — Уголовно-правовые и криминологические проблемы отсрочки исполнения приговора.
35. Зульяров А. Б. (ИФП АН УзССР) — Правовое регулирование отношений по банковскому кредитованию межхозяйственных организаций.
36. Зуфаров Р. А. (Президиум Верховного Совета УзССР) — Деятельность районных Советов по правовому воспитанию населения.
37. Ильхамов А. Н. (ТВШ МВД СССР) — Эффективность уголовно-правовых норм борьбы с неосторожными преступлениями.
38. Иногамджанова З. Ф. (ТашГУ) — Создание и развитие уголовно-процессуального права Туркестанской АССР.
39. Иргашев Ю. С. (МВД УзССР) — Ответственность за посягательства на жизнь и здоровье граждан, совершаемые из хулиганских побуждений.
40. Ирмухамедова Д. Г. (ИФП АН УзССР) — Правовое положение республиканских промышленных объединений (На материалах Узбекской ССР).
41. Исаханов Ю. В. (КГБ УзССР) — Правовое воспитание и его роль в предупреждении преступлений.
42. Исламов Х. С. (МВД УзССР) — Взаимодействие общественных организаций и органов милиции в предупреждении преступлений.
43. Исмоилов Х. И. (МВД УзССР) — Взаимодействие органов внутренних дел Узбекской ССР с общественностью в предупреждении преступности (Уголовно-правовое и криминологическое исследование).
44. Ишанова Ш. А. (ТашГПИ им. Низами) — Система права советских республик Средней Азии до национального размежевания (1917—1924 гг.).
45. Ишанходжаев Х. М. (ТашГУ) — Суверенные права союзных республик в области внешних сношений в период развитого социализма.
46. Ишметов А. И. (Народный суд Куйбышевского района г. Ташкента) — Борьба с тяжкими телесными повреждениями по УК УзССР.
47. Каграманов А. Г. (Прокуратура Хамзинского района г. Ташкента) — Назначение дополнительных видов наказания по УК УзССР.
48. Казанджан М. А. (ТВШ МВД СССР) — Правовые и организационные вопросы профилактики преступлений следователями ОВД.
49. Камалов С. (ДжизакГПИ) — Совершенствование преподавания Основ советского права и правового воспитания в педагогических учебных заведениях.
50. Караматов К. С. (ИФП АН УзССР) — Применение норм шариата в советских республиках Средней Азии (1917—1927 гг.).
51. Караходжаева Д. М. (ИФП АН УзССР) — От демократической к социалистической Конституции Народных Советских Республик Средней Азии (1920—1924 гг.).
52. Кочаровский Т. (Юридический отдел г. Кичево, СФРЮ) — Институт пересмотра приговоров по УПК СФРЮ.
53. Кутыбаева Е. Д. (НГУ) — Органы государственного управления автономной республики на современном этапе (По материалам Каракалпакской АССР).
54. Латипова Х. М. (ИФП АН УзССР) — Организационно-правовые формы взаимодействия представительных органов государственной власти и комсомола в хозяйственном и социально-культурном строительстве (На материалах Узбекской ССР).
55. Лебедева С. В. (ТашГУ) — Конституция Туркестанской АССР 1918 г. и ее особенности.
56. Липатов А. И. (Президиум Верховного Совета УзССР) — Организация работы местных Советов народных депутатов и их органов в борьбе с правонарушениями.
57. Малалнева З. Д. (ТашГУ) — Общественные меры предупреждения преступности несовершеннолетних.
58. Мадрахимов М. Р. (ТИНХ) — Коллективный договор по советскому трудовому праву.

59. Майлыбаев А. (Прокуратура ККАССР) — Развитие ленинского учения о социалистической автономии в новой Конституции СССР.
60. Маргуновский А. Д. (ТВШ МВД СССР) — Уголовная ответственность за мошеннические посягательства на личную собственность граждан.
61. Матчанов Р. Н. (ТашГУ) — Акты Президиума Верховного Совета союзных республик и их юридическая природа (По материалам УзССР).
62. Махмудов Х. Х. (Прокуратура Бухарской области). — Обеспечение законности при применении мер административного принуждения.
63. Махмудова Ф. (ТашГУ) — Деятельность общественных самодеятельных организаций по охране общественного порядка.
64. Мирзамахмудов Ю. (Прокуратура Наманганской области) — Заключение прокурора в советском уголовном процессе (По материалам Узбекской ССР).
65. Мирхамидов М. (ТашГУ) — Постоянное представительство Совета Министров союзной республики при Совете Министров СССР (По материалам УзССР).
66. Михайлов Ю. А. (ТашГУ) — Компетенция союзной республики в области планирования (По материалам Узбекской ССР).
67. Мухитдинова Ф. (Верховный суд УзССР) — Ответственность за преступления против чести и достоинства личности.
68. Низамов Б. Б. (ИФП АН УзССР) — Некоторые теоретические вопросы гражданства.
69. Низамов Ф. (ИФП АН УзССР) — Развитие законодательства Узбекской ССР об организационно-правовых вопросах борьбы с административными правонарушениями несовершеннолетних (Историко-правовое исследование).
70. Никифорова Е. Н. (ТашГУ) — Демократический централизм и вопросы соотношения компетенции органов государственного управления Союза ССР и союзной республики.
71. Ниязметова С. В. (СамГУ) — Ответственность за причинение вреда личности при превышении пределов необходимой обороны.
72. Норалиев Х. (Госарбитраж при Сурхандарьинском облисполкоме) — Компетенция и деятельность областного Совета народных депутатов по обеспечению социалистической законности (По материалам Узбекской ССР).
73. Норбутаев Э. Х. (ИФП АН УзССР) — Квалификация преступлений против общественного порядка.
74. Нуралиев И. Н. (ИФП АН УзССР) — Сравнительный анализ законодательства о государственном строительстве советских республик Средней Азии и Демократической Республики Афганистан.
75. Окюлов О. О. (ИФП АН УзССР) — Правовые формы внедрения достижений науки в сельскохозяйственное производство (По материалам УзССР).
76. Пак А. Н. (ТВПШ) — Общее, особенное и единичное в советском праве.
77. Панюшкина Л. (ТашГУ) — Правовое воспитание студенческой молодежи.
78. Пулатов Б. (Прокуратура Сабир-Рахимовского района г. Ташкента) — Деятельность органов прокуратуры по правовому воспитанию молодежи.
79. Рахимов Ф. (Прокуратура Зарбдорского района Джизакской области) — Классификация водохозяйственных объектов.
80. Рашидова А. И. (ТашГУ) — Государственно-правовые вопросы взаимоотношений союзных республик в период существования среднеазиатских органов Союза ССР.
81. Розыев Х. (Президиум Верховного Совета ТуркмССР) — Деятельность Президиума Верховного Совета союзной республики по руководству местными Советами народных депутатов (По материалам Туркменской ССР).
82. Рустамбаев М. Х. (ТашГУ) — Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, совершаемыми с применением оружия.
83. Садыков У. А. (ТашГУ) — Конституционный статус Узбекской ССР.
84. Сайдалиева М. (ТИНХ) — Правовое регулирование труда женщин.
85. Самарходжаева М. Х. (ИФП АН УзССР) — Развитие советского законодательства о правах и обязанностях родителей по воспитанию детей (На материалах УзССР).
86. Сарымсаков Р. Г. (ТашГУ) — Конституционные гарантии равноправия женщины в обществе и семье.
87. Саттарова М. С. (Юридический техникум Минюста УзССР) — Ответственность несовершеннолетних за кражу по УК УзССР.
88. Сеитова Р. М. (ИФП АН УзССР) — Развитие законодательства Узбекской ССР об охране и использовании памятников истории и культуры.
89. Сираждинов О. С. (ТашГУ) — Законодательная деятельность Верховных Советов союзных республик (По материалам Узбекской ССР).
90. Скрипников Н. К. (ИФП АН УзССР) — Правовая охрана окружающей среды хлопкосеющих районов (На материалах Узбекской ССР).
91. Смурышинов В. А. (МВД УзССР) — Борьба с хулиганством несовершеннолетних (Уголовно-правовое и криминологическое исследование по материалам УзССР).
92. Сулайманов М. Х. (ТашГУ) — Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями, посягающими на деятельность представителей власти и общественности по охране общественного порядка.

93. Тагаев З. А. (ТИНХ) — Правовое регулирование совместительства и совмещения профессий по советскому трудовому праву.
94. Талибджанов Ш. Ю. (УВД Ташгорисполкома) — Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению хищений государственного и общественного имущества в условиях крупного города (промышленного центра).
95. Тахиров Ф. (ТашГУ) — Уголовная ответственность за причинение легких телесных повреждений.
96. Турсунов Ю. А. (ТИНХ) — Коллективная (бригадная) материальная ответственность в советской торговле.
97. Усманилиев М. (ТашГУ) — Ответственность за нарушение правил административного надзора.
98. Усманов А. У. (ТашУВД) — Уголовно-правовая борьба с посягательствами на автотранспорт.
99. Устабаев А. У. (ТВШ МВД СССР) — Административно-надзорная деятельность специальных комендатур органов внутренних дел.
100. Фазылходжаева И. К. (ИФП АН УзССР) — Творческая роль Советского государства в развитии хлопководства в Узбекской ССР.
101. Хакбердыева Р. (ТашГУ) — Становление, развитие и проблемы дальнейшего совершенствования судебных органов ККАССР.
102. Хакбердыева Ф. Т. (ТашГУ) — Организационные и правовые вопросы управления наукой в союзной республике.
103. Халилов И. Х. (ИФП АН УзССР) — Развитие трудового законодательства Узбекской ССР в эпоху социализма (Историко-правовое исследование).
104. Халимов Х. А. (Прокуратура ККАССР) — Первая Конституция Узбекской ССР 1927 года.
105. Хамедов И. (ТашГУ) — Организация управления промышленными объединениями (Административно-правовое исследование по материалам УзССР).
106. Хидоятов Б. С. (ТашГУ) — Актуальные процессуально-криминалистические проблемы участия специалиста в советском уголовном процессе.
107. Хоменкер Л. В. (Верховный суд УзССР) — Ответственность за халатность по УК УзССР.
108. Худайбердыев А. (ТВШ МВД СССР) — Уголовно-правовая охрана природы по законодательству УзССР.
109. Худайбердыева В. В. (ТашГУ) — Правовое положение и деятельность комиссий по делам несовершеннолетних (По материалам УзССР).
110. Хусанов М. Т. (ТашГУ) — Организационно-правовые вопросы управления местной промышленностью (По материалам Узбекской ССР).
112. Цой Д. С. (ТВШ МВД СССР) — Выявление и предупреждение хищений на железнодорожном транспорте.
113. Челкашина И. А. (ИФП АН УзССР) — Право водопользования межхозяйственных предприятий в сельском хозяйстве (На материалах Узбекской ССР).
114. Шарипова Г. С. (ТашГУ) — Уголовная ответственность за детоубийство.
115. Эрнazarов О. Э. (ТашГУ) — Правовое положение имущества межхозяйственных организаций.
116. Эрнazarов Ю. (ТашГУ) — Гарантии прав свидетеля в советском уголовном процессе.
117. Юдашкина Н. А. (ТашГУ) — Административно-правовое регулирование юридической службы в народном хозяйстве.
118. Якубов А. С. (ТВШ МВД СССР) — Деятельность районного (в городе) Совета народных депутатов по организации и координации профилактики правонарушений.
119. Якубова Н. М. (ТашГУ) — Развитие законодательства Узбекской ССР о расторжении брака и проблемы его совершенствования.
120. Яхьяева Г. Х. (ТашГУ) — Государственно-правовые проблемы взаимоотношений союзных республик в период развитого социализма.

Утверждено научным Советом по проблеме «Закономерности развития государства, управления и права» АН УзССР.

МУНДАРИЖА

Озиқ-овқат программаси — ҳаётга!

- К. А. Кабанова. СССР озиқ-овқат программаси асосида Ўзбекистонда сабзавот комплексининг ривожланиши 3
- Н. А. Хан. Социалистик эконо­мика ҳаракатининг шакл ва қонуни тўғрисида. . . 11
- М. А. Аҳмедова. Совет Шарқи халқларининг капитализмни четлаб социализмга ўтиш тажрибаларидан ижодий фойдаланиш шароитлари ҳақида. 17
- Х. Қ. Қаримов, М. У. Усмонов. Ишчилар меҳнат маданияти ва маънавий қиёфасининг ўзаро боғлиқлиги 22

Тошкентнинг 2000 йиллигига

- Ғ. Рашидов. Совет ҳошимиятининг Туркистондаги бастиони 27

Илмий ахборот

- А. Маврулов. Тўққизинчи беш йиллик даврида меҳнаткашларни коммунистик тарбиялаш бўйича республика маданий-оқартув ташкилотларининг фаолияти ҳақида 34
- Р. Айтмуротова. Улуғ Ватан уруши йиллари Ўзбекистонда оналик ва болаликни муҳофаза қилиш (Тарихий-ҳуқуқий очерк) 36
- А. Ю. Зиямухамедов, 1925—1929 йиллар ер-сув реформасининг ўтказилишида ўзбекистонлик меҳнаткаш деҳқонларнинг қатнашуви тарихидан 40
- Г. Я. Дресвянская. Жанубий Сўғддан топилган илк ўрта асрга оид оссуарийлар 43
- Л. В. Павчинская. Муллақўрғондан топилган оссуарий. 46

Архив саҳифаларидан

- М. Юнусхўжаева, У. Мирисмоилова. XIX аср охири — XX аср бошлари Тошкент тарихи бўйича ҳужжатлар 49

Танқид ва тақриз

- М. А. Сарсембоев, Михалева Г. А. Россиянинг Ўрта Осиё хонликлари билан Оренбург йўли орқали савдо ва элчилик алоқалари (XVIII асрнинг иккинчи ярми — XIX асрнинг биринчи ярми) 50

Хроника

- А. Р. Муҳаммаджонов. СССР ФА нинг Ўрта Осиё ва Қозоғистон археологияси бўйича проблемалар совети ва ЎзССР ФАнинг Тошкентнинг 2000 йиллиги юбилейини ўтказиш ташкилий комитетининг бирлашган мажлиси . . . 51
- П. Г. Булгаков. Академик Игнатий Юлианович Крачковский (Туғилган кунининг 100 йиллигига) 54

- Ольга Александровна Сухарева (1903—1983)** 57

- Ҳуқуқшунослик фанлари бўйича докторлик ва кандидатлик диссертацияларининг тасдиқланган мавзулари. 59

СОДЕРЖАНИЕ

Продовольственную программу — в жизни!

К. А. Кабанова. Развитие овощного комплекса в Узбекистане в свете Продовольственной программы СССР	3
Н. А. Хан. О законе и форме движения социалистической экономики.	11
М. А. Ахмедова. Об условиях творческого использования опыта перехода народов Советского Востока к социализму, минуя капитализм.	17
Х. Қ. Каримов, М. У. Усманов. Взаимобусловленность культуры труда и духовного облика рабочих.	22

К 2000-летию Ташкента

Г. Рашидов. Бастيون Советской власти в Туркестане	27
---	----

Научные сообщения

А. Маврулов. О деятельности культурно-просветительных учреждений республики по коммунистическому воспитанию трудящихся в годы девятой пятилетки	34
Р. Айтмуратова. Охрана материнства и детства в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны (Историко-правовой очерк)	36
А. Ю. Зиямухамедов. Из истории участия трудового дехканства Узбекистана в проведении земельно-водной реформы 1925—1929 годов	40
Г. Я. Дресвянская. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда	43
Л. В. Павчинская. Оссуарий из Муллакургона	46

По страницам архивов

М. Юнусходжаева, У. Мирисмаилова. Документы по истории Ташкента конца XIX — начала XX века	49
--	----

Критика и библиография

М. А. Сарсембаев, Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.)	50
---	----

Хроника

А. Р. Мухамеджанов. Объединенное заседание проблемного Совета по археологии Средней Азии и Казахстана АН СССР и Оргкомитета по проведению юбилея 2000-летия Ташкента АН УзССР	51
П. Г. Булгаков. Академик Игнатий Юлианович Крачковский (К 100-летию со дня рождения)	54
<u>Ольга Александровна Сухарева (1903—1983)</u>	57

Утвержденные темы докторских и кандидатских диссертаций по юридическим наукам	59
---	----

НАШИ АВТОРЫ

- Булгаков П. Г.** — член-корреспондент АН УзССР, зам. директора Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Ахмедова М. А.** — доктор филологических наук, зав. кафедрой научного коммунизма ИПК при ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Кабанова К. А.** — доктор экономических наук, ст. научный сотрудник СОПС АН УзССР.
- Мухамеджанов А. Р.** — доктор исторических наук, директор Института археологии АН УзССР.
- Рашидов Г.** — доктор исторических наук, зав. отделом истории городов Узбекистана АН УзССР.
- Хан Н. А.** — доктор экономических наук, зав. кафедрой политэкономии ТашСХИ.
- Дресвянская Г. Я.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Каримов Х. К.** — кандидат философских наук, доцент кафедры философии СамГУ им. А. Навои.
- Сарсембаев М. А.** — кандидат юридических наук, доцент юридического факультета КазГУ.
- Усманов М. У.** — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФерГПИ.
- Юнусходжаева М.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Айтмуратова Р.** — аспирант юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Зиямухамедов А. Ю.** — ст. преподаватель кафедры философии и научного коммунизма Узбекского института физической культуры.
- Маврулов А.** — преподаватель кафедры истории КПСС и политэкономии ТашГИК.
- Миризмаилова У.** — мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Павчинская Л. В.** — зав. отделом археологии Государственного музея истории культуры и искусства УзССР им. А. Икрамова.

Цена 65 к.

Индекс
75349